

В.П. ВОЛК-КАРАЧЕВСКИЙ

УБИТЬ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ II

ОШИБКА
ИМПЕРАТРИЦЫ

БОЛЬШОЙ ЗАГОВОР

ПРИГОВОРЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ

Большой заговор. Приговоренные
императоры. Убить императрицу Екатерину II

В. П. Волк-Карачевский
Ошибка императрицы

«Бутромеев В.В.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Волк-Карачевский В. П.

Ошибка императрицы / В. П. Волк-Карачевский — «Бутромеев В.В.», 2020 — (Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II)

Седьмая часть романа-хроники «Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II» описывает исторические события с момента царствования Екатерины II, создания первого масонского государства в Северной Америке и великой масонской революции во Франции до наших дней. В центре повествования – судьбы правителей России и тех государственных деятелей Европы, которые оказались на пути масонов к мировому господству. Все правители России от Екатерины II до Николая II пали жертвами тайных сил, шаг за шагом продвигавшихся к своей цели. Русские императоры были приговорены к смерти, как некогда французские «проклятые короли», поплатившиеся жизнью за разгром ордена тамплиеров, возродившегося во всемирном сообществе франк-масонов. Первые книги посвящены истории убийства императрицы Екатерины II и её фаворита, светлейшего князя Потёмкина, а также королю Франции Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте, сложившим головы на эшафоте, и выходу на историческую арену Наполеона Бонапарта, положившего на полях сражений миллионы голов.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Волк-Карачевский В. П., 2020

© Бутромеев В.В., 2020

Содержание

Предуведомление, в котором автор неторопливо размышляет об Истории и о своих задачах, из этих размышлений вытекающих	7
I. Соло шведского короля	10
1. О роли и значении событий исторических	10
2. Свидание во Фридрихсгаме	13
3. Воспоминание о тетушке Эльзе, императрице Елизавете Петровне	15
4. Воспоминание о тетушке Эльзе, императрице Елизавете Петровне (продолжение)	17
5. Опять шведский король	19
6. Один под ударами судьбы	22
7. Кто виноват?	24
8. Далекарлия и далекарлийцы	26
9. На запад, к Готенбургу!	29
10. Доверьте мне, ваше высочество, свою корону – и я верну Вам ее в блеске и сиянии победной славы	31
11. Когда королю есть, что сказать	33
II. Тяжелый год	35
1. Тяжелый год – тяжкие мысли	35
2. Тяжелый год – тяжкие мысли (Продолжение)	37
3. А что же Франция?	39
4. Русско-французские отношения	41
5. Святая святых	44
6. Французский посланник	46
7. Французский посланник (Продолжение)	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

В. П. Волк-Карачевский

Ошибка императрицы

© Волк-Карачевский В. П., текст, 2020

© «ТГВБ», перевод, издание, 2020

* * *

*Жану де Лабрюйеру,
прославившемуся знанием разнообразия человеческих характеров
и нравов, а также пониманием тонкостей незыблемых законов
книготорговли, посвящает эту и все последующие книги автор,
преисполненный благодарности и надежд, пусть себе даже и не всегда
оправданных, но тем не менее согревающих душу.*

Теория заговора имеет такое же право на существование, как и все теории, изо всех сил ее опровергающие, но, несмотря на свой всеобщий против нее заговор, так ничего и не сумевшие опровергнуть.

Теория заговора объясняет ход истории человеческой с той же достоверностью, с которой небесная механика известного англичанина Ньютона объясняет движение планет вокруг Солнца. Можно сколько угодно отрицать Ньютона и находить неточности в его формулах, но планеты не прекратят движение по своим орбитам, невзирая на опровержение причин, заставляющих их совершать сие движение, совершенно не обращая внимания ни на самые точные расчеты этих орбит, ни на самые новейшие изыскания всех астрономов со всеми их телескопами.

Из частного письма.

Какой роман моя жизнь!

Слова, приписываемые Наполеону Бонапарту, которые вполне могли бы сказать и императрица Екатерина II Алексеевна, и светлейший князь Потемкин, и поэт Гавриил Державин, и поэты Шиллер и Гёте, а также знаменитые проходимцы: граф Мирабо, Талейран, наивный Лафайет, дочь банкира Неккера мадам де Сталь, сам господин Неккер, так удачно погревший руки на развале королевской Франции, господа парламентские ораторы, не дававшие спуску друг другу Питт и Фокс, князь Репнин, граф Румянцев вместе с сыновьями, стар и млад семейства Разумовских, граф, князь и канцлер Безбородко, в конце концов достигший всего, но не того, чего больше всего хотелось, император Павел I и его сын Александр, художник Гойя, вездесущий Бомарше, король Людовик XVI, его супруга Мария Антуанетта и, конечно же, Катенька Нелимова, милая автору непосредственностью и бесхитростной живостью желаний восторженного сердца. Как, впрочем, и многие другие персонажи, оставившие свои имена на потрепанных временем страницах истории, беспристрастно изложенной в настоящем сочинении.

Предупреждение, в котором автор неторопливо размышляет об Истории и о своих задачах, из этих размышлений вытекающих

В конце известного пылкостью чувств и склонностью к просвещению и так любимого мною XVIII века в России и в странах, от нее значительно удаленных, произошли события, вызвавшие последствия, которые ни много ни мало изменили мир: карта Европы украсилась названиями новых государств, вместо бабмаков с серебряными пряжками мужчины стали носить совсем другую обувь, женщины забросили шляпки, напоминающие чепчики, и надели на свои прелестные головки нечто совсем не похожее на то, чем они раньше надеялись привлечь нескромные взоры. Ну а никогда не дремлющие историки торопливо вписали в свои книги множество новых имен; часть же имен, раньше не сходявших с кончиков их остро отточенных перьев, остались только в книгах, написанных до всех этих событий, а если и упоминались теперь, то все реже и реже.

А уж как перепутались жизненные пути простых людей, чьи имена не внесены ни в какие книги, кроме метрических, людей, никому не известных, но дорогих родным и близким, включая иногда и добрых соседей. Многие романтические девушки не дождались своих возлюбленных и вышли замуж совсем не за тех, о ком мечтали на заре туманной и полной неясных надежд юности; некогда состоятельные господа обеднели, иные и вовсе разорились, а один подававший надежды стихотворец спился и умер в изъеденной мышами безвестности, не удостоившись бронзовых бюстов на шумных площадях столицы и мраморных изваяний в тихих залах библиотек. Так порой случается раз в три-четыре столетия, а то и чаще. Мир меняется.

И если ты, мой не лишенный любопытства читатель, запасешься терпением и усердием и, одолевая страницу за страницей настоящего сочинения, проследишь ход этих событий в их стремительном развитии, то увидишь чудесную картину, – ее по примеру одного легкомысленного француза, ко всему еще наделенного поистине африканским темпераментом, я хочу повесить на надежный гвоздь Истории.

Что есть история? Некоторые считают, и весьма упорно, что это взаимосвязь причин и следствий, вытекающих из строгих и незыблемых законов. И не только считают, но и излагают свое мнение, часто очень пространно, с многими подробностями, и весьма успешно – в том смысле, что находятся издатели, которые печатают их труды (именно труды, но никак не сочинения), и благодаря тому, что труды эти многотомны, а тома внушают уважение весом и толщиной, ими, этими томами, удобно заполнять полки библиотек.

И уже другие, следующие в порядке очереди историки, напрочь лишенные французского легкомыслия и тем более африканского темперамента, снимают покрытые пылью фоллианты с полок, изо всех сил ворошат страницы, анализируют факты, сопоставляют цифры и делают совершенно новые выводы и неопровержимые, даже парадоксальные заключения. И все это движется подобно священной реке, суровым торжественным потоком, застывая в незыблемых гранитных берегах триумфальных арок, парадных порталов и заново отштукатуренных фасадов.

Что касается меня, то я, мой снисходительный и благожелательный читатель, скромно держусь в сторонке от этого неумолимого в своей величавой вечности потока.

Волей-неволей мне пришлось прочесть так много томов исторических трудов, что изложенные в них факты я по большей части уже забыл, а цифры, по свойственной мне беспечности, безнадежно перепутал. Волей, потому что читал я их, в общем-то, по своей охоте, подталкиваемый природным любопытством, приобретенным по ходу продвижения от счастливого и беззаботного младенчества к наивному детству, а от детства к непоседливой

юности и зрелым летам, достигнув коих я обнаружил несметные и всевозрастающие запасы этого самого любопытства, требовавшего ответов на множество вопросов, – ответы на многие из них мне удалось найти сначала с помощью милых и беззаботных девишек, а потом догадливых и, что очень важно, предусмотрительных женщин. Но часть вопросов оставались без ответов, и ответы на них я доверчиво понадеялся отыскать в толстых книгах, по скупости, свойственной издателям, обычно не снабженных картинками, хотя иногда в них попадались гравюры и гравированные же портреты.

Ну а невольно, потому что перелистывать сотни и тыся- чи страниц приходилось себя заставляя: уж больно было скучно. И тем не менее, благодаря усердию (к которому призываю и тебя, мой неустанно ищущий высоких истин читатель), перелистав множество исторических трудов, я обнаружил, что факты и цифры и даже глубокомысленные выводы совсем не есть История, а только всего лишь одежды Истории, часто строгие, сверкающие и блестящие и даже расшитые золотыми галунами, как ливреи важных лакеев, иногда подызносившиеся и лоснящиеся в некоторых местах от долгого употребления, а иной раз это и просто лохмотья, ветхие и сверкающие не золотом и серебром, а зияющими дырами, порой гордо выставляемыми на всеобщее обозрение по примеру Антисфена, одного из не очень известных учеников прославленного древнегреческого философа Сократа, наставника знаменитого Диогена. А вот под этими одеждами и скрыто главное, суть и сущность Истории. Что же это? Интрига, интрига и еще раз интрига, догадливый мой читатель.

Слово интрига, как и всякое достойное уважения слово, происходит из древнегреческого языка и в точном переводе значит «пружина», точнее – «опасная пружина» и еще точнее – «опасно сжимаемая пружина».

Сжимают ее люди, которым избыток желаний и все того же любопытства вкупе с обычной непоседливостью и еще кое-какими качествами и чертами характера не дают вести размеренно-обыденную жизнь в привычных делах и заботах, и потому-то они и сжимают и закручивают ее, эту пружину, до тех пор, пока она не разожмется и не подбросит вверх тормашками всех, кто сжимал ее, вместе с теми, кто мирно вращался в кругу спокойной жизни и ни во что не совал своего носа.

Вот тогда-то и меняется мир, со всеми его странами, башимаками и шляпками. А люди, нарядившись в новые одежды, опять начинают сжимать все ту же пружину, движимые все теми же желаниями, прихотями и чудачествами, которые сплетаются в цепочки, тянущиеся из прошлого в будущее, завязываются мелкими узелками, а время от времени затягиваются в сложнейший узел, и его потом приходится развязывать, распутывать, а то и рубить мечом, как это сделал однажды нетерпеливый царь македонян Александр, благо меч у него всегда был под рукой, а решимости ему было не занимать.

Читателя, жаждущего скрупулезного разбора фактов и глубокомысленных выводов, я отсылаю к библиотечным полкам, заполненным трудами самых кропотливых историков, среди них преобладают немцы – безусловно, именно им, а не кому-либо еще нужно отдать пальму первенства, когда дело доходит до точности и глубокомыслия, по поводу, к примеру, непонятных, далеких звезд на ночном небе и нравственного закона – а к чтению моего сочинения я приглашаю только любителей интриги.

Интриги, интриги и еще раз интриги, плаща и кинжала, любви и ишаги.

Ибо, как и еще один француз – он хотя и не обладал африканским темпераментом, но тем не менее не стеснялся присущей его соплеменникам легкости и простоты вкусов, – я тоже променял бы любые серьезнейшие исторические труды на разного рода подробности, особенно интимные и потому не вошедшие в официальные отчеты, реляции и манифесты.

Я держусь мнения, что именно они, эти интимные и тайные, а вследствие своей тайности малоизвестные подробности, и есть основа интриги всех событий. А интрига и есть История, что я и продолжу доказывать тебе со следующей страницы, мой доверчивый, а

главное, ленивый читатель: когда-то ты поленился прочесть какого-нибудь Карамзина с Соловьевым в придачу или Лависса и Рамбо, ну так не поленись полистать книгу, которую волею случая ты уже держишь в руках.

I. Соло шведского короля

1. О роли и значении событий исторических

Густав III не хотел, однако, довольствоваться обороной и мечтал о расширении пределов Швеции, о возвращении ей потерянных в предыдущее царствование провинций.

А. Г. Брикнер.

Я уже не раз настойчиво сообщал доверчивому читателю, что сердечные дела юных и трепетных дев, равно как и дерзкие поступки юношей, не умеющих обуздать свои неукротимые страсти, привлекают мое иногда рассеянное внимание больше, чем события исторические, сопровождаемые пролитием большого количества крови и требующие завывания медных труб, называемых фанфарами и возвещающих о начале торжественных празднеств и чествований героев – вместе, разумеется, с глухо ухающими звуками литавр, тоже медных, но затянутых сверху бычьей кожей – ударами о нее деревянными колотушками и извлекают эти звуки, священные для уха всякого, кто прислушивается к гласу истории.

Но как бы я ни старался не замечать череду официальных исторических событий, как бы вольно и невольно не путал их хронологическую последовательность, как бы не иронизировал и под каким бы углом зрения не рассматривал, и как бы не приуменьшал их масштаб, сравнивая с куда более значимым первым поцелуем у старой липы под надзором вечного ока луны, их, эти самые исторические события, девать некуда и они вечно будут путаться у меня под ногами и приходится раз за разом спотыкаться, так, словно без них и не обойтись.

Иной раз, задумавшись, приходишь к мысли, что и они тоже нужны для полноты картины – то ли как некий общий фон, то ли в качестве той или иной детали, порой даже необходимой в каждодневной суете нашей быстротекущей жизни.

Как бы немного замедлить ее течение, пусть себе даже неторопливое, но все равно безвозвратное и ускользящее? Как взять чуть в сторону от ее стремнины, несущейся неведомо куда – хотя почему неведомо? Известно куда, известно ведь, чем все это заканчивается...

Как бы поближе к зеленому, приятному берегу, где течение помедленнее, помедленнее... А то и отыскать бы спокойную заводь, где оно, это течение, почти не заметно, зато взор привлекают и солнечные блики на воде, и ночная лунная дорожка, и развесистая ива, склонившаяся к зеркальной глади, а с лугов доносится дурмящий запах свежескошенной травы, и слышишь чью-то далекую песню о том, что любовь манит пленительно и властно, и хочется любить, страдать, переживать все муки, мечтать, молить, рыдать, поверить и простить, вернуть любовь и отдаться страсти, нежной и томительной, и не позволить ей уйти навсегда, а еще про утро туманное и седое, и про нивы печальные, снегом покрытые, пробуждающие почему-то воспоминания о взорах, так жадно ловимых, – да мало ли песен, невыразимо трогающих душу!

И разве обратишь на них внимание, несясь по стремнине, по перекатам туда, вниз, где уже гремит страшный, неведомый водопад, из которого еще никогда никто не выныривал?

Да, хорошо бы в тихую заветную заводь... А ведь как, совсем еще, кажется, вчера, хотелось из уютной заводи несмелого детства и полной смутных надежд юности туда, на быстрину, где радостно играет волна и вода бурлит и рокочет. А у камней-валунов и на порогах вскипает бешеной пеной. Туда, туда, подальше от сельского дома и милых родных лиц, излучающих бесхитростную ласку и наивную нежность, в гущу исторических событий, в водоворот чужих, подобных маскам, отвратительных физиий, дышащих всеми пороками, злобой, ненави-

стью, торопливым безразличием и ужасом осознания – но только в последний миг – собственной гибели.

И вот они лениво тащатся одно за другим, а то вдруг несутся сломя голову, эти исторические события, подгоняемые причинами, грозящими неотвратимыми следствиями, скачут по проторенной необходимости колее, то и дело выправляемой зловердными масонами.

Несмотря на тайную поддержку этих самых масонов молодой король Швеции Густав III так и не смог неожиданным маневром захватить Петербург и опрокинуть в реку Неву, известную непостоянством направления течения, памятник царю Петру I в отместку за то, что он побил величайшего из шведских королей Карла XII, невесть как очутившегося вдали от суровых северных краев своих под благодатным небом Малороссии, недалеко от Полтавы, знаменитой пестротой и роскошью южных ярмарок, воспетых самим Гоголем.

Однако неудачное начало не обескуражило короля. Адмирал Грейг, славный шотландец, разметающий по морю шведский флот, погиб от удара в сердце страшного масонского кинжала. Благодаря его победе при острове Гогланде, не удалось высадить десант, назначенный королем для захвата Петербурга. Но сухопутные войска шведов прямым маршем двигались к границе Российской империи.

И едва успев отпраздновать морскую победу над своим неразумным, взбалмошным двоюродным братцем, императрица Екатерина II вдруг увидела, что дела совсем плохи. Густав III, отбитый с моря, идет на незащищенную столицу посуху. Потемкин с войсками – за тысячи верст на юге, под стенами неприступного Очакова. Члены государственного Совета в тайне радуются ее просчету. Воронцов, один из самых злостных недоброжелателей, спешно сложил вещи на подводы и собрался отъехать в свои дальние имения, подавая пример всем трусам и подлецам, скорым на панику и измену.

Петербург уже полнится слухами, что, мол, заготовлены сто пятьдесят лошадей для бегства императрицы, а сама она спит не раздеваясь, расставив по карманам драгоценности, и как только услышит первый пушечный выстрел, то без оглядки умчится из столицы, прихватив с собой флигель-адъютантов, их она известно для каких, порой неотложных, нужд неотлучно содержит при своей особе.

Кто распускает эти слухи? И как много вреда они наносят... И способствуют поражению не меньше вражеской армии.

А генерал-губернатор Ревельского наместничества барон Броун обнаглел до того, что просит прислать войска для устрашения крестьян. Они, видите ли, не хотят работать и ждут шведов, надеясь на облегчение своего положения. Их дедам помнится, что лет сто тому назад, до прихода русских, подати с них взымали чуть ли не вдвое меньше.

Броуну бы собрать ополчение да вооружить этих бездельников на деньги местных помещиков... А не клянчить солдат, как будто ему не известно, что в Петербурге войск нет... Если бы не знать, что сей Броун круглый дурак, можно бы заподозрить его в издевательской насмешке... Или, хуже того – в предательской измене.

А тут еще жара, расплавленный воздух, подобный лаве Везувия, заливают город под страшный грохот гроз, будто предвещающая конец света... Молния ударила в окно комнаты покоев Потемкина, стекло разбилось вдребезги, однако ничего не сожжено.

К чему сей знак? Недоброжелатели видят в нем пророчество поражения, а то и смерти Светлейшего... Но верная Перекусихина, еще ни разу не ошибавшаяся в толковании снов и знамений, сказала, что сие предсказывает победу князя над турками, коих поразит он как сверкающая небесная молния...

Ох, скорее бы... Но пока нужно держаться самим, без Потемкина... Перекусихина, не в пример многим, не потеряла крепости духа. Узнав, что король шведский во главе тридцатитысячного войска идет к границе, Марья Саввишна, казалось, была готова зубами вцепиться ему в горло, окажись он рядом. «Бог милостив, – сказала она, отойдя от приступа гнева, на

мгновение лишившего ее дара речи, – авось супостат споткнется да и ногу себе сломает. А то и утопнет в чухонских болотах».

Только от Марьи Саввишны и дожدهшься приятного слова. Хоть орден ей жалуй за ненависть к неприятелю. И Красный Кафтан... Трусости не показал и здравости мышления не утратил... Он умен, к его словам многим стоит прислушиваться... И поведением, и советами своими вполне достоин ордена... За твердость в минуту опасности... Звезду Александра Невского с бриллиантами. Он ведь тоже Александр... Вот Александру и орден Александра...

А Храповицкий трусит... Вида старается не подавать, но в глазах испуг... Второй раз уже заводил околицей разговор о том, чтобы отъехать в Москву...

Нет, Екатерина II не испугается врага, дерзнувшего напасть на столицу ее... А если и выедет из Зимнего дворца, то не с тем, чтобы бежать, подобрав юбки, а во главе храбрых полков своих навстречу наглomu захватчику...

2. Свидание во Фридрихсгаме

*Нельзя не признать, что Екатерина II превосходила Густава III
силою воли и пронзительностью ума.
А. Г. Брикнер.*

Марья Саввишна права, Бог милостив... Войска шведов уже обложили крепости Нейшлот и Фридрихсгам, взять их нетрудно, это не Очаков... И прямая дорога к Петербургу... До него от Фридрихсгама каких-нибудь шестьдесят верст... Король уже высадился под Фридрихсгамом... Действительно хорошо бы, как говорит Марья Саввишна, ему споткнуться и сломать ногу, как некогда накануне встречи с Екатериной II в том же Фридрихсгаме сломал он руку, упав с коня...

Это случилось пять лет тому назад. Густав III выпросил у Франции новые субсидии и тайно начал вооружать войска. Потемкин тогда присоединил Крым, шведский король полагал, что турки объявят по этому поводу войну России, и хотел напасть на Данию, чтобы раз и навсегда обезопасить свой тыл – уже тогда он строил планы войны с Россией. Густав III рассчитывал, что, если из-за Крыма начнется новая турецкая война, Екатерина II не сможет поддержать союзницу – Данию.

И чтобы скрыть свои намерения, он предложил тогда русской монархине встретиться во Фридрихсгаме. Этот самонадеянный юнец думал заговорить ей зубы, усыпить ее бдительность. Так и произошло, но не потому, что Екатерина II поддалась на его уловки, всерьез восприняла заверения в почтении или купилась на его лживую лесть. Нет, весь этот фальшивый спектакль не мог никого ввести в заблуждение.

Но сам того не желая, Густав III показал себя таким глупцом, таким несостоятельным позером и пустым ничтожеством, что императрица невольно перестала воспринимать его всерьез и считаться с ним.

Заносчивый, молоденький петушок, возомнивший себя чуть ли не Александром Македонским в окружении своих друзей, таких же задиристых петушков. Почти все они успели побывать в Америке и гордились подвигами во время войны за свободу. Густав III красовался среди них, по два раза за день меняя свой костюм, зеркала как магнит притягивали молодого короля, даже когда он являлся для бесед в комнаты Екатерины II, а все планы были написаны на его лице самым, что ни есть разборчивым почерком.

Только недавно умерла вздорная матушка Густава III, родная сестра Ирода – старого фигляра, прусского короля Фридриха II, этого неумного недоброжелателя России, дурным глазом своим вечно высматривавшего, как бы урвать себе кусок от ее земель. Густав III освободился от надоедливой опеки родительницы, слетал в Париж и, ободренный французскими дипломатами, подзуживающими неоперившегося галчонка, видевшего себя орлом, решил прежде всего заморочить голову своей старой, глупой соседке, чтобы потом, вдруг явившись во всем блеске силы и славы, диктовать условия.

Это их свидание во Фридрихсгаме, задуманное Густавом III, чтобы продемонстрировать мирные намерения, едва не пришлось отменить. Накануне встречи Густав III отправился в древний замок Кроноборг, расположенный недалеко от Тавастгуса, финского Хамеенлина. Там, в долине Ауланко, на берегу живописнейшего озера, защищенного со всех сторон скалистыми горами, король скрытно от парламента устроил на французские деньги военный лагерь.

Он собрал в нем семь тысяч солдат, чтобы показать французскому посланнику, что, как и обещал в Париже министру иностранных дел Вержену, готовится к войне с Россией. В то же самое время Густав III решил отъехать на несколько дней во Фридрихсгам повидаться с императрицей Екатериной II, одурачить ее дружескими заверениями, а потом неожиданно напасть

на союзницу России – Данию и молниеносно победить ее. А уже после этого, не опасаясь войны на два фронта, дожидаться нападения на Россию султана и требовать от нее возврата земель, когда-то отвоеванных Петром I у короля Карла XII.

Молодого короля, лихо, верхом на горячем скакуне явившегося на смотр своих войск в лагерь под Кроноборгом, встретили салютом из пушек. Лошадь испугалась залпов и сбросила седока на землю перед строем воинов, приветствовавших своего непобедимого – потому как ни в одной битве еще не побывавшего – полководца. Упав с коня, герой сломал руку и двести лейб-драгунов торжественной процессией перенесли его в замок.

Король попросил Екатерину II отложить их встречу. Но потом довольно быстро поправился и свидание во Фридрихсгаме все же состоялось. Вот тогда-то императрица и насмотрелась на этого хвастуна, и наслушалась его речей. И составила о нем свое мнение как о болтуне и ничтожестве, неспособном ни на какое серьезное дело.

Что можно ожидать от мужчины, который, как глупая девица, красуется перед зеркалом, мечтая воинскими подвигами удивить весь мир, и называет себя Александром Македонским Севера. Александр Македонский прославился не падением перед войском с коня, а его укрощением...

Делая большие глаза, Густав III доверительно сообщал, что Франция останется очень недовольна им, если узнает об этой встрече. Но ему доброе расположение своей кузины дороже мнения Франции... Разыгрывая перед ней этот спектакль, он переглядывался с сопровождавшими его молодыми придворными, и те едва сдерживали улыбки. Как ловко они обошли русскую государыню, не видящую дальше своего носа!

Для переговоров во Фридрихсгаме сняли и оборудовали два прекрасно мебелированных дома. Их соединили специальной галереей. И когда молодой король со свитой уходил на свою половину, эхо под сводами галереи доносило веселый смех приближенных Густава III. В комнатах гостей были установлены слуховые трубки. В подвале, в тайных комнатах, сидели опытные в таких делах люди и записывали каждое слово короля и его друзей.

Утром перед приходом шведов Екатерина II просматривала эти записи. Они пестрели пометками: «громкий смех», «сказал и засмеялся», «все смеются», «проговорил сквозь смех». И это самонадеянное, глупое веселье характеризовало и короля, и его окружение больше, чем их неразумные речи.

Уезжая из Фридрихсгама, Екатерина II смотрела из окна кареты на подступавшие к самой дороге безжизненные, мрачные скалы и думала: «Боже мой! Какая страна! Как можно проливать человеческую кровь для обладания этой дикой каменной пустыней, ведь даже вороны и коршуны не хотят здесь жить! Неужели и здесь придется воевать, чтобы унять амбиции этого заносчивого юнца, возмечтавшего о славе в памяти потомков, в коей он останется всего лишь жалким посмешищем?»

И вот пришлось. Фридрихсгам... Тот самый Фридрихсгам... Впрочем, невзрачная крепостица эта имеет свое место в истории... Еще лет пятьдесят тому назад Фридрихсгам, финская Хамина, принадлежал шведам. В состав Российской империи он вошел при императрице Елизавете Петровне... Самым неожиданным образом...

3. Воспоминание о тетушке Эльзе, императрице Елизавете Петровне

Веселая царица была Елизавет.
А. К. Толстой.

Последнее время Екатерина II много внимания уделяла поиску старых документов. Мысль о том, что где-то существует отречение цесаревны Анны, лишаящее права на трон всю династию – и нелепо-неудачливого Петра III, и его бестолкового сына, и ее любимого внука – не давали императрице покоя.

Она разбирала пожелтевшие бумаги, читала указы и манифесты, надеясь найти какие-то зацепки, позволившие бы обосновать то, что устраивало бы ее и дало бы возможность опровергнуть грозившие ей притязания. Найти такие зацепки пока не удалось, но чем больше она вникала в документы прошлых лет, тем более ясно виделась картина происходивших тогда событий.

Это когда-то ей, юной и нищей чужестранке, взятой в жены наследнику престола, императрица Елизавета, тетушка Эльза, показалась могущественной, грозной и полновластной. И совершенно законно восседающей на отцовском троне.

Не совсем так это было на самом деле... Даже отец Елизаветы, теперь уже возвеличенный и прославленный Петр I, происходил из младшей линии царской семьи от законного, но весьма сомнительного брака с безродной воспитанницей боярина Матвеева, для того им взятой в дом, чтобы подложить в царскую постель, а потом овладеть тронном через потомство ее – как говорят, даже не стареющим царем произведенное, а то ли кем-то из дворцовой прислуги, то ли строптивым, из мужиков выбившимся, патриархом Никоном...

Но царя Петра что вспоминать... Он тронном овладел, все под себя подмял, империю воздвиг, права его на престол теперь неоспоримы... Его права, а вот права наследников... Кто она такая, императрица Елизавета Петровна? Дочь взятой из-под солдатской телеги шлюхи, родившей ее от царя, но еще задолго до венчания, таких у царя Петра десятки, если не сотни...

И когда на русском троне в конце концов обосновалась дочь старшего брата царя Петра I – императрица Анна Иоанновна, могла ли Елизавета мечтать о престоле? За одни такие помыслы ее отправили бы в Сибирь, а за неосторожное слово – и на эшафот... Но верные пажи и гвардейцы, в память о славе отца, возвели дочь его на трон. Ой ли? Так ли все было, как складно сказано потом?

Шведы, лишившись при неумемном Карле XII части Финляндии и южных берегов Балтийского моря, всегда хотели вернуть эти земли. Когда императрица Анна Иоанновна узнала, что в шведском парламенте ведутся разговоры об этом, она велела передать, что камня на камне не оставит в Стокгольме, если до нее дойдут слухи о неосторожных речах шведов, вздумавших поправить неудачи короля Карла XII. И разговоры о возврате утерянных земель поумолкли.

Но вот после смерти Анны Иоанновны на троне оказался младенец, Иоанн VI, и один за другим начались дворцовые перевороты, и несколько придворных партий втянулись в борьбу за власть. Шведский посланник Нолькен не упустил случая встрять в дела заговорщиков, которые рассчитывали посадить на трон дочь Петра I. И вместе с французским посланником Шетарди они предоставили Елизавете деньги – для заговора нужные как дрова для огня – и пообещали содействие своих государств.

Однако не за просто так. За помощь в борьбе за престол новая императрица дала согласие в угоду Франции отказаться от союза с враждебной французам Австрии и уступить Швеции провинции, отвоеванные царем Петром I, впустить в Петербург шведские войска, переехать в Москву и навсегда забыть о морских притязаниях России.

На все эти условия Елизавета согласилась ради трона... Ее галант – маркиз Шетарди уже мнил себя тайным мужем русской императрицы и правителем России, а шведы стягивали в Финляндию свои войска... Но когда от Елизаветы потребовали заключить соглашение, официально закреплявшее все договоренности, она заколебалась... Одно дело пообещать на словах, другое – подписать бумагу, документ – это совсем не безопасно...

Удержаться на троне она могла, только опираясь на сложившуюся вокруг нее партию, которая обосновывала перед знатью и народом ее права на престол именно как дочери, наследницы царя Петра I, победителя шведов. И как же дочери Петра I взять власть с помощью шведских штыков и уступить шведам завоевания своего отца, именем коего она собиралась править империей? Запятнав себя предательством, она станет ненавистна народу и попадет в полную зависимость от своих иноземных помощников.

Пока шли тайные переговоры Елизаветы с французским и шведским посланниками, верные сподвижники уговорили ее на смелые действия и совершили успешный переворот. Одна решительная ночь оставила Францию и Швецию ни с чем, а гвардейцы на плечах внесли Елизавету в Зимний дворец и сделали опальную цесаревну императрицей.

То, что гвардейцы несли Елизавету на плечах, кажется символичным, театральным жестом, а то и красивой поэтической фразой. На самом деле все произошло совершенно прозаично. Стояла снежная зима, площадь перед дворцом завалило снегом. Три сотни гвардейцев, изломав перед этим свои барабаны, чтобы никто не мог нарушить тишину, торопились застать врасплох спящий дворец.

Их предводительница, отчаявшаяся на рискованное ночное приключение, утопала в глубоком снегу, путалась в длинных юбках и не успевала за верными сообщниками. Видя это, гвардейцы и подняли ее себе на плечи, пренебрегая правилами этикета, предписывающего более изысканное обращение с особами женского пола.

Позже великая княгиня Екатерина Алексеевна, намереваясь тем же способом стать императрицей Екатериной II, учла опыт своей предшественницы и когда наступил час решительных действий переделась в офицерский мундир, позаимствовав его у капитана Преображенского полка Талызина, так как в мужском платье совершать государственные перевороты удобнее, чем в женских кринолинах, предназначенных для привлечения нескромных взглядов на балах и торжественных выходах.

4. Воспоминание о тетушке Эльзе, императрице Елизавете Петровне (продолжение)

*...монографической, целостной работы о личности императрицы
Елизаветы Петровны до сих пор нет.*

Е. В. Анисимов.

Шведы уже заготовили манифесты, в которых трактовали свой захват Петербурга желанием освободить Россию от проклятых немцев и вместо ненавистных Брауншвейгов, известных мастерской выделкой колбас того же наименования, посадить на московский престол Гольштинцев, тоже равнодушных к колбасам. А для того определить в императрицы дочь царя Петра I – Елизавету Петровну и, спровадив ее в Москву, вернуть себе Петербург и окрестности Балтийского моря, на них они зарились еще со времен знаменитого князя Александра Невского, нещадно побившего шведов на берегах реки Невы, за что он и получил свое прозвище.

Готовы были не только манифесты. Шведские войска сосредоточились в Финляндии и ожидали приказа двинуться к Петербургу – не сажать на престол Елизавету Петровну, а отнять у нее земли, недавно обещанные шведам претенденткой на российскую корону за уже не нужную ей помощь.

Новоиспеченная императрица повелела окоротить надоедливых соседей одному из своих полководцев, шотландцу Петру Петровичу Ласси, успевшему послужить за хорошее жалование многим европейским монархам, но дольше всего царю Петру I и не однажды отличившемуся в ратных и политических делах и награжденному за усердие титулом графа и чином генерал-фельдмаршала.

Шведами командовал граф Левенгаупт, родственник того самого Левенгаупта, графа Адама-Людвига, который участвовал во многих сражениях и совершенно неожиданно для самого себя был разбит в России под деревней Лесной, но успел бежать от петровских драгунов и счастливо соединился со своим королем Карлом XII. И уже вместе с ним он потерпел поражение в знаменитой битве под Полтавой, по этому случаю даже сложили пословицу: «Погиб, как швед под Полтавой».

Левенгаупт не погиб, а бежал вместе с королем, но король успел скрыться в Турции, а Левенгаупт замешкался, пытаясь переправиться через Днепр у Переволочни, и ему пришлось с остатками армии сдать в плен, где спустя многие годы, несмотря на неоднократные попытки скуповатой шведской королевы выкупить своего храброго воина, он умер в тоске по суровым и неприютным скалам родной Швеции.

И вот сородич графа, такой же Левенгаупт, как и он, вел шведскую армию по безлюдным просторам Финляндии на Петербург, чтобы восстановить честь и славу шведского оружия и призвать к ответу императрицу Елизавету, наобещавшую доверчивым шведам с три короба, а когда дошло до дела, цыкнувшую на них, как на оставленную без обещанной кости дворовую собачонку.

Ласси в нескольких мелких стычках разбил шведов, а потом окружил их армию, заставил сложить оружие и сесть за стол переговоров. И шведам, мечтавшим вернуть отнятые у них царем Петром I земли, в результате пришлось уступить его дочери еще и часть Финляндии, до реки Кюммене.

Река эта вытекает из озера Руотсалайнен, или, как его называют финны, Руотсин-ирви и несет свои воды на юг, пробиваясь через скалы Сальпауссельке и образуя у Аньяла водопад, пятью рукавами впадает в Финский залив (в рукавах этих много лососей и сига, а озера, через которые течет Кюммене, изобилуют лещами и ряпушкой – ряпушка не что иное, как тот же

сиг, но небольшого размера, финны называют ее «луикку». Эта красивая серебристого цвета рыбка, похожая на селедку, необычайно вкусна в копченом виде).

После подписания мирного договора генерал-фельдмаршал Ласси отпустил генерал-фельдмаршала Левенгаупта с разоруженной армией в Стокгольм, где его судили, признали виновным в потере Финляндии и по решению суда немилосердно отрубили ему голову; и он на эшафоте позавидовал своему сородичу Левенгаупту, мирно окончившему свои дни в русском плену, хотя за поражения при Лесной и под Полтавой, после которых Швеция лишилась своих Балтийских приморских провинций, его тоже могли бы казнить, если бы судьба вняла его мольбе и он вернулся бы на родину.

А так как город Фридрихсгам находился чуть западнее реки Кюммене, то он отошел к России.

И вот теперь у этого небольшого городка, расположенного на берегу Финского залива, у бухты Веккалак, высадился шведский король Густав III, чтобы отвоевать и Фридрихсгам, и все, что когда-то шведам пришлось отдать сначала царю Петру I, а потом его несговорчивой дочери Елизавете Петровне.

Кстати, императрица Елизавета Петровна отняла у шведов не только часть Финляндии, но и внучатого племянника короля Карла XII, Карла Петра Ульриха Гольштинского, наследника шведского престола, потому что он приходился внуком царю Петру I и племянником самой Елизавете Петровне как сын ее любимой сестры, рано умершей цесаревны Анны.

Вопреки отречению Анны Петровны от русского престола – за себя и за Карла Петра Ульриха – императрица сделала его своим наследником, так как других Гольштинцев мужского пола у нее не имелось, а это грозило возвратом на русский престол проклятых Брауншвейгов.

Чтобы шведы не пытались переманить к себе Карла Петра Ульриха, императрица Елизавета заставила их избрать королем дядю Карла Петра Ульриха – герцога Гольштейн-Эйтинского Адольфа-Фридриха. Он женился на сестре прусского короля Фридриха Великого; и вот сын этого самого Адольфа-Фридриха – Густав III, вместо того чтобы вечно благодарить Россию за доставленный его родителю, а следовательно, и ему самому шведский трон, начал осаду все того же Фридрихсгама, в котором совсем недавно лживо заверял русскую императрицу в братской любви и мирных намерениях.

Да, она сочла его тогда полным, ни к чему не способным ничтожеством, маскарадным персонажем... Она недооценила его... И корабли шведов уже вошли в Веккалакскую бухту и моряки начали перетаскивать на берег тяжелую артиллерию...

Хорошо бы, по слову Марьи Саввишны, этот негодяй Густав III споткнулся и сломал ногу, как он, упав с коня, сломал руку, тогда, перед их свиданием во Фридрихсгаме... А лучше бы не ногу и не руку, а шею...

5. Опять шведский король

...намерены напасть на Финляндию и идти прямо к Петербургу...

А. Г. Брикнер.

Императрица вспомнила подполковников, которым свернул шею Соколович накануне переворота, подготовленного Паниным с согласия ее сына, и вздрогнула. Она вернулась из всецело овладевших ею размышлений и увидела перед собою статс-секретаря, услужливого толстяка Храповицкого, все еще читающего свой утренний доклад.

– Турки через Бухарию подослали к киргизцам послов, подбивают к набегам на наши пределы... – словно издалека донесся голос статс-секретаря.

– Каковы подлецы... – задумчиво проговорила Екатерина II, – не имея мужества сразиться в открытом бою, норовят поднять противу нас в тылу киргизцев ли, шведов ли... Или отсиживаются за крепостными стенами Очакова... Вот что, Александр Васильевич, на сегодня хватит. Позови Марью Саввишну и ступай домой...

Храповицкий осторожно вышел, а через некоторое время в дверь заглянула Марья Саввишна и пропустила в кабинет Соколовича.

Императрица пригласила гостя сесть к ее столику и, не зная, какой взять тон, начала разговор:

– Король шведский... Не образумься после того, как побили его на море... Обложил Фридрихсгам и Нейшлот... Нейшлот ему не взять... А вот Фридрихсгам...

Нейшлот, или, вернее, крепость при нем – Олофсборг – на острове в проливе Кюренсальми, соединяющим озера Хуакивеси и Пихлаявеси, хорошо укреплена. Но главное не это... Когда командующий войсками шведов барон Гастфер потребовал открыть ему ворота, комендант Нейшлота, однорукий ветеран майор Кузьмин ответил, что выполнить просьбы не может, так как у него одна рука и та занята шпагой.

Ответ сей достоин героев Плутарха. А вот комендант Фридрихсгама, капитан Левашов прислал курьера с просьбой разрешить сдать крепость шведам, они, мол, скоро начнут обстрел, а поскольку во Фридрихсгаме много деревянных строений, это приведет к пожарам. С таким комендантом крепости не удержать... Благоразумная рассудительность его есть не что иное, как трусость, а трусы побед над врагом не одерживают...

Екатерина II уже хотела сказать все это Соколовичу, но спохватилась. Этому страшному человеку неуместно морочить голову баснями о героях, готовых ценою жизни исполнить свой воинский долг, дабы удостоиться похвалы монархини и попасть в анналы истории. Соколовича нужно просить об услуге. Как в ту ночь накануне переворота, когда, свернув шею нескольким негодьям, он дал ей возможность сохранить трон...

Тогда он потребовал за свою помощь миллион золотом – много, очень много, но она заплатила, рассчиталась и не осталась обязана... Теперь же – Екатерина II прекрасно понимала это – денег Соколович не возьмет: ни миллион, ни два, ни десять миллионов... И она останется в неоплатном долгу, то есть потеряет свою независимость, не всю, но какую-то ее часть.

Неужели этот поручик в отставке хочет распоряжаться монархами, двигая ими как фигурками на шахматной доске? А весь его бред о неких высших масонах, правящих миром, – правда?

Он обещал ей разыскать отречение Анны. Но так и не нашел. Или оно уже у него, и, угрожая этой бумагой, он теперь захочет управлять ею как послушной марионеткой? Она поручила Шешковскому задушить этого человека, как только он принесет отречение Анны... Какая глупость с ее стороны... Соколович уничтожит ее Шешковского как жалкого цыпленка...

Что он запросит за свою помощь?

Но что бы он ни потребовал, это будет потом... А сейчас в бухте Веккалакс шведы перетаскивают с кораблей на берег осадную артиллерию. Потом пушки установят под Фридрихсгамом. И этот, в самом деле деревянный, городишко запылает как костер после первых же залпов... И сторит дотла вместе с трусом комендантом, и шведская сорокатысячная армия двинется к Петербургу...

А она собрала всего пятнадцать тысяч солдат, половина из них новобранцы, взятые из тюрем, и рекруты, до того ни разу не державшие в руках оружия... И ей, императрице российской, придется позорно бежать из своей столицы... Нет... Нет, нет и нет!

– Взяв Фридрихсгам, королю шведскому открыт прямой путь на Петербург. Надобно его остановить, – твердо сказала Екатерина II.

Соколович, конечно же, сразу понял, что слова «Надобно его остановить» означают просьбу убить Густава III. И он мог сделать это. Но, во-первых, убийство шведского короля наделает много шума. И высшим масонам станет ясно, кто приложил к этому руку... Во-вторых, смерть Густава III разрешит все затруднения императрицы. И даст ей возможность не только избежать угрозы с севера, но, благодаря усилению в Стокгольме русской партии, позволит вместе с Данией полностью лишить Швецию самостоятельности.

В результате Соколович окажется ненужным исполнителем грязной работы. От таких всегда стараются избавиться и уж никак не испытывают к ним ни уважения, ни благодарности. А нужно совсем другое... Императрица должна постоянно нуждаться в помощи и руководствоваться его советами... А это возможно только в том случае, если Густав III все время будет представлять опасность для России.

А кроме того, безусловная и окончательная победа Екатерины II, ее усиление и успех и на юге и на севере приведут к тому, что верховные масоны прикажут снять ее с шахматной доски – и Соколовичу придется выполнить приказ... А если он промедлит, его заподозрят в сговоре с императрицей и уничтожат их обоих.

Это сделает тот же Маркиз Полномочный Вестник Смерти, уже прибывший в Петербург – его Соколович пока еще не вычислил, и он в случае необходимости нанесет неожиданный удар в любую минуту.

– Короля можно остановить, – сказал Соколович. – Мне хорошо известна обстановка в шведской армии. Все высшее офицерство состоит в разных ложах, враждующих между собой. Командиры финских полков готовы отложиться от Швеции и перейти на русскую службу. Часть шведских офицеров недовольны королем. Они считают, что, начав войну без согласия парламента, он нарушил конституцию, а следовательно, и права дворянства. Поднять мятеж при всех этих обстоятельствах не составит труда и обойдется недорого... Но сделать это нужно очень осторожно... Офицеры в горячке могут и убить короля... А это приведет к непоправимым последствиям...

Екатерина II вопросительно посмотрела на умолкнувшего Соколовича, словно хотела сказать, что она как раз не против именно такого развития событий, но не хочет вслух произносить просьбу навсегда избавить ее от присутствия шведского короля не только вблизи границы Российской империи, но и в этом мире.

– Если Швеция останется без короля, вам, государыня, трудно будет удержаться от соблазна вместе с Данией разделить ее, присоединив шведские земли к своим владениям.

– Разве это противоестественно? Каждый монарх радуется о том, чтобы увеличить свою державу. Державы не канавы, кои увеличиваются, когда от них отнимают землю. Державы растут присоединением к себе земель. Так было и во времена древних римлян и царей персидских, так это и теперь.

– Если Россия овладеет Швецией – выделив часть Дании – англичане нападут на Данию и введут свой флот в Балтийское море. А Пруссия ударит в тыл русским армиям, воюющим с Турцией.

– Англия и Пруссия любят мешаться в чужие дела, – вспыхнула императрица, на минуту утратив контроль над собой, – но вся остальная Европа не согласится послушно выполнять их сумасбродные требования. Австрия, Франция и Испания, а уж Россия и подавно не станут уступать их наглостям.

– Идея четверного союза России, Австрии, Франции и Испании неосуществима, – спокойно сказал Соколович.

Слова его остудили гнев Екатерины II, осведомленность собеседника поразила ее. А Соколович, отвечая на растерянно-вопросительный взгляд императрицы, продолжил:

– Намерения создать такой союз не секрет для тех, кто вникает в ход событий. Четверной союз вытекает из складывающейся в Европе обстановки. К тому же люди, занявшиеся его устройством, кроме вас, разумеется, – члены лож и подотчетны своим старшим магистрам... Не Англия и не Пруссия определяют положение дел в Европе. Они сами зависят от решений, принимаемых руководителями высшего масонства. А тем более монархи Франции, Австрии и Испании не властны распоряжаться ни собою, ни своими державами. Франция на пороге революции, Людовика XVI ожидает казнь в отместку сожжения главы ордена тамплиеров Моле. Короля Испании и императора Иосифа II убьют, как только они попытаются содействовать своему родственнику, монарху Франции. Вам будет просто не с кем заключать союз... Единственное, что поможет вам сохранить свою жизнь – это не двигать русскую армию к Стамбулу, то есть не переходить Дунай, не трогать Варшаву и, отразив нападение нетерпеливого шведского короля, оставаться с войсками по эту сторону реки Кюммене в Финляндии. Что же касается Густава III, то я могу расстроить его поход и ему придется убраться в Стокгольм и продолжить препираться с членами риксдага.

«Боже мой, с какими сумасшедшими людьми иной раз приходится иметь дело, – подумала Екатерина II, – ведь при всех его диких фантазиях, он не болтун и ему ничего не стоит убить этого глупца Густава III, как и прямо сейчас зарезать меня, родись вдруг в голове у этого безумца такая идея... Однако шведский король через несколько дней войдет в Петербург... Тут к самому дьяволу обратишься за помощью, не то что к Соколовичу... А впрочем, Марья Саввишна и чтит его выходцем из ада...»

«Она все еще считает меня сумасшедшим, – подумал Соколович, читая мысли императрицы, которые она безуспешно пыталась скрыть, – неужели трезвое мышление недоступно ей и все ее действия будут определять только ее женский темперамент, неукротимый характер и слепая жажда жизни и власти? Если это так, то жить ей осталось совсем недолго...»

6. Один под ударами судьбы

*Под конец Густав III залился слезами.
Э. Леннрут.*

Соколович выполнил просьбу императрицы. Он остановил шведского короля. Когда шведы со всех сторон окружили Фридрихсгам и сняли с кораблей осадную артиллерию, к Густаву III явился посыльный из лагеря под Аньялой – небольшого финского поселения, где были расположены основные шведские и финские войска, предназначенные для похода на Петербург. Он вручил королю письмо с требованием офицеров прекратить войну, так как Густав III начал ее без согласия риксдага, поправ тем самым конституцию. Офицеры во главе с полковником Гестеско дали клятву не выполнять приказов короля до тех пор, пока он не созовет риксдаг и не подчинится его постановлениям.

В тот же день стало известно, что барон Спренгпортен, полковник, командующий финскими частями, перешел на сторону русской императрицы и намерен добиваться независимости Финляндии. Он склонил к измене и барона Гастфера, войска которого осаждали Нейшлот.

Гастфер за десять тысяч золотых предал своего короля. Он обратился к императрице Екатерине II с просьбой принять его на русскую службу и передал ей все письма Густава III. Король безгранично доверял Гастферу и делился с ним всеми своими планами.

При Гастфере находился ближайший друг короля, молодой граф Стединг, герой американской войны, сподвижник уже легендарного Лафайета, кумир парижских великосветских салонов и похититель сердец самых известных парижских красавиц, склонных к романтическим приключениям – они навсегда сохранили нежные воспоминания о стройном и решительном, не только на полях сражений, шведском красавце.

После измены своего командира он принял командование, но осаду Нейшлота продолжить не смог. У шведов закончилось продовольствие, заряды для артиллерии не доставили, а защитники крепости не открыли ворота – король предрекал, что они сделают это при виде многочисленного шведского войска, окружившего их со всех сторон.

А еще через несколько дней Густаву III сообщили, что Дания официально признала Швецию нападающей стороной и готова выполнить свои союзнические обязательства. Главнокомандующий датской армии, фельдмаршал Карл Гессенский заявил, что Дания не объявляет войну Швеции, но, согласно договору с Россией, предоставляет ей свои войска в качестве вспомогательной армии.

Двенадцать тысяч датчан под командованием Карла Гессенского и при поддержке с моря шести линейных кораблей датского флота двинулись к западным границам Швеции. Отряд норвежцев, численностью три тысячи человек, уже шел на соединение с ними.

Главной целью датской армии был Готенбург. Этот город когда-то стал западным форпостом Швеции и символом ее независимости от Дании. Датчане всегда мечтали отнять его – а вместе с ним и всю западную часть Швеции. Это, кстати, и обещала им императрица Екатерина II, чтобы они не уклонились от борьбы с Густавом III, в том, разумеется, случае, если шведский король первым нападет на Россию.

А переписка Густава III и барона Гастфера, попавшая благодаря измене барона в руки императрицы, неопровержимо свидетельствовала об этом. Король приказывал своему командующему переодеть шведских солдат в русские мундиры, напасть на приграничные финские деревни и грабить их и даже упоминал фамилию известного в Стокгольме портного, который шил казачьи шаровары для этого маскарада, так как костюмов, взятых в оперном театре, оказалось недостаточно.

И теперь датчане не хотели упускать повода захватить Готенбург и западные провинции своего соседа, необдуманно впутавшегося в войну с Россией.

Оказавшись в таком катастрофическом положении, Густав III впал в отчаяние. Он то плакал навзрыд, проклиная свою судьбу, то молился, обращаясь к Богу с просьбами лишить его жизни, то величественно и сурово произносил перед своими приближенными монологи, осуждая предателей и собираясь отречься от престола, а потом, как уже легендарная королева Христина, он уедет в Рим, где будет жить на средства от продажи своих бриллиантов в полном одиночестве и безвестности.

Хотя нет, в Рим он не поедет, чтобы не бросать тень на память королевы Христины... Ведь она оставила трон и корону, когда Швеция находилась на вершине могущества, после славных побед – в том числе и над гнусной Данией – шведы владели тогда почти всем побережьем Балтийского моря и устьями всех германских рек... Королева Христина окружила себя в Риме целой свитой поэтов, философов и художников, ее двор стал центром ученого мира Европы...

Нет, ему не стоит жить в Риме и нести позор ничтожества, не сумевшего совершить ничего великого в сравнении с прославленной королевой, на веки вписавшей свое имя в историю Швеции.

Он уедет в Париж. Этот великий город – колыбель его духа, источник его помыслов... Впрочем, как после всего, что произошло, он покажется в салонах, где помнят его остроумие и изящество... Что скажет он в разговоре с дамами, которые, несомненно, наслышаны о его фиаско...

Нет, он скроется в Швейцарию... И там, в какой-нибудь хижине на склоне горы, забытый всеми, один во всем мире, в жалком рубище окончит свои печальные дни, и никто не вспомнит его героического порыва вернуть родной Швеции ее бывшее величие и славу...

О, как жестоко поразил его рок! Как безжалостно нанесла неотвратимый удар судьба! А ведь у него было все, чтобы стать в один ряд с великими героями, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю...

В то самое мгновение, когда его артиллерия могла неотразимым залпом смести с лица земли Фридрихсгам и он повел бы доблестных шведов на Петербург, король пал жертвою низкой измены. Он стал пленником своего же войска, офицеров, презревших честь и присягу. А Дания тут же всадила ему кинжал в спину.

И русская императрица, всегда мечтавшая расчленить и поглотить гордую и суровую Швецию, отнять Финляндию, отдать извечному врагу – датчанам Готенбург и купить постыдными подачками знать, променявшую на русское золото память о великом прошлом своих доблестных предков, не преминула воспользоваться ситуацией.

И даже флот – о, как он гордился своим флотом, созданным его старанием – даже флот разгромлен и, несмотря на объявленную победу, заперт в гаванях, а на море, Балтийском море, внутреннем море Швеции, господствуют вражеские корабли! Адмирал Грейг, прислуживавший Екатерине II и нарушивший закон логи, казнен, но урон, нанесенный им шведскому флоту, слишком велик. А Франция не дает денег на постройку новых кораблей!

И Турция, спасенная им от удара в тыл русской эскадры, не выделяет обещанных субсидий. И Пруссия, его кузен Фридрих-Вильгельм, предлагавший свою поддержку, так и не направил войска против России. И Англия, обиженная за союз Швеции с Францией, отвернулась от него!

Он один, один, как спартанский царь Леонид в Фермопилах против бесчисленного персидского войска, как мужественный римский воин Коклес, преградивший на мосту через Тибр путь полчищам этрусков к Риму. Он, Густав III, один встал на защиту свободы Севера от многоголовой русской гидры, пожирающей слабую сегодня, но по-прежнему гордую Швецию.

7. Кто виноват?

Кто виноват?

А. И. Герцен.

Слезливая истерика, жалкое бессилие вдруг сменились приступом деятельной вдохновенности. Нет, герой не тот, кто покорно сносит удары слепого и беспощадного рока! Плакать и жаловаться на судьбу – удел слабых душ. Герой находит в сердце своем силу сопротивляться. Сердце героя заставляет разум работать, искать выход из любого тупика, преодолевать непреступные преграды и побеждать врагов!

Сначала Густав III бросился писать письма. Впервые за долгие годы несчастливой семейной жизни он обратился к своей жене, датской принцессе Софии Магдалине, призывая ее повлиять на копенгагенский королевский двор – народы Севера должны объединиться в борьбе за свободу, отстоять независимость перед лицом угрозы со стороны России, темной варварской тучей надвигающейся с юга, подобно ордам Чингисхана и Тамерлана.

Густав III написал послания и ко многим главам знатных семейств – ради свободы Швеции они должны в минуту опасности забыть свои претензии и распри, возродить в себе дух героев Севера и стать на защиту родины вместе со своим королем.

В письме к шведскому послу в Англии он просил объяснить Уильяму Питту и всем членам кабинета министров, в каком ужасном положении оказался король, пытаясь противостоять давлению России, жаждущей за счет соседей расширять свои владения, как на юге, так и на севере.

В письме в Берлин содержалась просьба к прусскому королю посредничать в заключении мира с Россией, а если бы он выдвинул свои войска к границам, то Швеция в обмен на военное содействие согласилась бы обсудить уступку Пруссии Померании.

Посланника Франции, маркиза де Пона, Густав III умолял уговорить короля Людовика XVI оказать дружественной союзной державе помощь против русской агрессии. И, предвидя ход событий, тонко намекал, что если он не дождетс субсидий от Франции, то во имя спасения родины ему придется согласиться на поддержку Англии и Пруссии...

Густав III даже хотел составить послание к своей кузине, императрице Екатерине II, чтобы упрекнуть ее в пособничестве изменникам, предавшим своего короля, но, вспомнив мирные заверения, не раз приносимые ей накануне нападения, удержался.

Разослав письма, король совершенно открыто покинул военный лагерь. Он, по сути дела, был пленником своих офицеров, обвинивших его в несоблюдении государственной конституции, что грозило потерей короны – его могли арестовать, заключить под стражу и даже казнить в случае бегства, однако никто из мятежных защитников прав дворянства не решился остановить короля и через несколько дней Густав III явился в Стокгольм.

Уезжая из столицы, он надеялся вернуться триумфатором. И случись так, никто из его противников не посмел бы и заикнуться о конституции. Победителей не судят. Но король не только не добился побед – они казались совершенно очевидными и поэтому он так много говорил о них, отправляясь к своей армии. В результате его действий целостность государства оказалась под угрозой. Финляндия может отделиться от Швеции. Войска датчан подходят к Готенбургу и угрожают захватом западной части страны. Флот не в состоянии защитить побережье и даже Стокгольм.

И во всем этом виноват король – он нарушил конституцию и пренебрег мнением лучших представителей дворянства.

Виноват король? Или офицеры-изменники, поднявшие мятеж?

На заседании риксрода – высшего совета при короле – Густав III потребовал арестовать и наказать офицеров, предавших своего монарха. Риксрод уклонился от решения по этому вопросу. Ведь офицеры требовали соблюдения конституции, а нарушил ее король... Нужно созвать риксдаг и пусть представители сословий решат: имел ли король право, вопреки законам, втягивать страну в войну с Россией и Данией.

Но на этот раз противодействие дворянства, готового погубить родину, отстаивая свои корыстные интересы, не испугало Густава III. Он отложил созыв риксдага – его враги были лучше подготовлены. Они распускали слухи о том, что сын Густава III – наследник престола – незаконнорожденный и король должен отказаться от трона в пользу своего брата Карла Зюдерманландского. Флот под его командованием не потерпел такого позорного провала, как сухопутная армия во главе с королем.

Карл Зюдерманландский не пошел на поводу у дворян и остался верен королю. Густав III отправил его в Финляндию, к армии, а сам решил обратиться к народу.

Народ неподкупен, его не прельстить русским золотом. Народ верит своему королю и знает, что он всегда стоит на страже державы. И народу хорошо известна продажность дворян, не желающих на поле боя отрабатывать свои привилегии и права владеть землями. Тогда как народ трудится в поте лица и отдает последний рунстюк в уплату налогов, чтобы наполнить государственную казну, из которой деньги идут на содержание армии. И если эта армия выступает против короля, то народ сам возьмется за оружие, как это случалось в старые времена.

С юношеских лет, вдохновляемый образом легендарного короля Густава Вазы, Густав III мечтал стать спасителем родины и возродить величие Швеции. И теперь, когда держава вновь оказалась на краю гибели, он, Густав III, должен поступить так, как когда-то, много лет тому назад, Густав Ваза – обратиться к своему народу. Не к продажным и уже полностью разложившимся дворянам, а к мужественному, первобытному великому народу униженной, но не поверженной окончательно Швеции.

Да, именно так он и сделает. И народ поддержит его, как Густава Вазу. И, подражая этому герою, король оставил Стокгольм и поехал по селениям Далекарлии.

8. Далекарлия и далекарлийцы

*Далекарлия – суровая и гористая, богатая живописными местностями область в Средней Швеции.
Энциклопедический словарь.*

Далекарлия – это небольшая горная область центральной Швеции. В мире нет мест живописнее и величественнее этих диких суровых скал, плодородных долин и чудесных лугов с пасущимися на них стадами, этих чистых и быстрых рек, этих сияющих на солнце вершин и склонов гор, покрытых дремучими, девственными лесами, этих таинственных мрачных ущелий, в недрах которых хранятся сокровища эльфов, а также железо и медь, сера, серебро и золото, добываемые в глубоких рудниках.

Но главное богатство Далекарлии – это ее люди, сильные и смелые охотники, выносливые пастухи, могучие, трудолюбивые пахари и умелые рудокопы. Они славятся сдержанностью и немногословием, как древние спартанцы. Они не развращены ни богатством, ни завистью, они живут, соблюдая обычаи предков, и носят старинные одежды. Они хранят легенды и предания и слагают саги о подвигах героев былых веков.

Далекарлийцы известны храбростью и честностью, прямотушием и любовью к свободе. Эти люди отдадут гостю все, что есть в их простых жилищах, но они никогда не покорятся чужакам и не согнут шею ни перед какими завоевателями, они преданы своему королю, и, не дрогнув, прольют за него кровь свою. Далекарлия – сердце Швеции. Далекарлия – ее гордая и возвышенная душа. А мужественные далекарлийцы – корень и основа великого шведского народа.

В глубокой древности, когда шла борьба за то, какому народу господствовать над Балтийским морем, шведские вельможи воспользовались распрями своих королей и предали их. Они свергли с престола одного за другим слабых властителей, устанавливали законы, лишавшие королей наследственной власти, и, погрязая в постыдной роскоши и разврате, грабили и притесняли народ.

И вот в конце концов явилась Маргарита Датская. Дочь короля Дании Вальдемара, жена норвежского короля Гакона Магнуса, она правила этими странами как регентша при своем малолетнем сыне Олафе. Сильная и коварная, она разбила врагов на полях сражений, подкупила шведскую знать, заняла Стокгольм, и дворяне провозгласили чужестранку королевой Швеции.

Уморив своего сына Олафа и заняв престолы Дании и Норвегии, Маргарита объединила три короны. В городе Кальмаре, в древней резиденции шведских королей Кальмархюсте, она собрала вельмож всех трех государств и объявила Кальмарскую унию, соединившую три северных государства в одну державу, и правила ею до конца своих дней.

Кальмарская уния стала почти вековым ярмом на шее Швеции. Согласно унии, короля должны были избирать все три народа единого государства. Однако в результате интриг и подкупов продажного дворянства королями всегда становились датчане, и датские наместники грабили и разоряли Швецию. Шведы не однажды поднимали восстания против иноземных властителей, но датчане топили их в крови.

Густав Ваза происходил из древнего шведского королевского рода. Честолюбивый, вспыльчивый и воинственный, он не хотел мириться с унижением родины. Густав Ваза с мечом в руках добивался свободы Швеции и, подло преданный дворянами из своего окружения, оказался в плену у датчан. Его отправили заложником в Данию, но он освободился от оков, бежал из темных подземелий и снова взялся за меч.

Датчане разбили его храброе, но малочисленное войско и вырезали весь Стокгольм, чтобы устроить шведов. И тогда Густав Ваза скрылся в Далекарлии. Далекарлийцы спрятали его в одной из недоступных пещер своих гор, собрали ополчение и во главе с Густавом Вазой разгромили ненавистных датчан и навсегда изгнали их из пределов священной земли своих предков.

Густав I Ваза стал шведским королем. Он разорвал Кальмарскую унию и отменил законы, позволявшие знати избирать короля. Королевская власть вновь стала наследственной. Густав Ваза, поддержанный верными далекарлийцами, спас погибавший шведский народ и восстановил великую Швецию.

Он освободил ее от притеснений датчан, уничтожил позорное ярмо порабощения. Он помог народу сбросить и духовное иго – власть папы римского над душами своих подданных – король предпочел веру протестантов путам католичества.

А наследники великого короля продолжили его дело. Швеция овладела всем балтийским побережьем, как некогда древний Рим – средиземноморским, и стала великой державой, превосходя все европейские государства не только силой оружия, но и первенствуя в науках и искусствах.

Величайший полководец, король Карл XII был рожден, чтобы возвести Швецию на вершину мировой славы, он совершил бы грандиозные исторические деяния и его имя встало бы в один ряд с именами величайших героев человечества – Александра Македонского, Ганнибала, Юлия Цезаря, Густава Вазы, Людовика XIV и Фридриха Великого. Но варварские толпы русских поглотили славную шведскую армию, а потом подлое убийство свело короля-воина в могилу и предатели-дворяне ввергли страну в пучину бедствий и унижения.

Самодержавная власть шведских королей ограничена, самовольству и произволу знати нет предела, русские посланники хозяйничают в шведской столице и императрица Екатерина II вынашивает планы раздела некогда великой державы, чтобы захватить ее пограничные земли, как это она уже сделала с Польшей.

Но в отличие от Польши, где тиранствующая русская монархия посадила на престол русского ставленника, достав его из-под своей юбки, в Швеции есть король. И он, король великой Швеции Густав III, наследник памяти и имени Густава Вазы, священного для каждого настоящего шведа, сумеет защитить Север Европы от нашествия русских азиатских орд.

Король ехал по далекарлийским селениям, ночевал в простых жилищах крестьян и охотников, ел вместе с ними грубую пищу, рассказывал о своих бедах и призывал братья за оружие перед лицом опасности, грозящей родине. О, сколько внимания и участия увидел он в их бесхитростных открытых лицах! Как эти мужественные люди преданы своему королю! Вот в ком истинная опора королевской власти, вот на кого он может положиться, как на самого себя! Вот кто не предаст его ни за какие деньги и привилегии!

Народ, истинный, великий, первородный шведский народ! О, как ты велик! Крестьяне, предводительствуемые сельскими священниками, сопровождали короля по дороге в Мурачурку – ту самую легендарную местность, где когда-то скрывался от преследования датчан Густав Ваза. Король поднялся на курган, с которого почти триста лет назад великий Густав Ваза обратился к народу с просьбой о помощи.

Бесчисленное множество людей в простых черных куртках окружило курган с Густавом III и, затаив дыхание, далекарлийцы ловили каждое слово своего короля. Их было так много, что звонкий голос Густава III не долетал до стоявших у подножия кургана в последних рядах. Но им шепотом передавали все, что говорил король.

Густав III рассказал об угрозах России, об измене финской армии и о предательстве мятежных офицеров и кознях подкупленных русскими дворян. Гневный ропот всколыхнул людское море, когда король заговорил о датчанах, посмеявшихся вторгнуться на священную шведскую землю – их войска уже перешли границу и угрожают начать военные действия.

Густав III вдохновенно призвал далекарлийцев поддержать своего короля в борьбе с врагами, ополчившимися против Швеции с намерением похитить ее свободу и независимость. Народ отвечал криками одобрения, священники и сельские старшины тут же начали составлять списки добровольцев, готовых вступить в ополчение, чтобы сражаться за короля, обратившегося к своему верному народу.

9. На запад, к Готенбургу!

*Он вдохнул в души населения волю к сопротивлению и торжествовал над пораженческими настроениями.
Э. Леннрут.*

Слухи о том, что далекарлийцы поддержали Густава III, дошли до Стокгольма и вызвали настоящую панику среди дворян, собравшихся низложить короля. Они испугались, что Густав III поведет разгневанный народ на столицу и одним разом сведет счеты со всеми своими недругами.

Возможно, так бы и произошло, молодой граф Армфельд, всецело преданный королю, в отличие от своего дядюшки, старого графа Армфельда, настаивал на том, чтобы решиться на дерзкое предприятие... И, наверное, был прав, но обстоятельства неожиданно изменились. К Густаву III прибыл курьер и сообщил, что двенадцатитысячное войско датчан разбило небольшой шведский отряд полковника Транефельда, штурмом взяло приграничные города Стремштит, Уддеваллу и Венерсборг и подошло к стенам Готенбурга.

Командует датчанами опытный принц Карл Гессенский, но вместе с ним и кронпринц, наследник датского престола Фридрих. Чтобы не привлекать внимание, он отправился в этот поход волонтером, в чине капрала. Взяв Готенбург и присоединив к Дании западные провинции Швеции, он станет национальным героем, и это укрепит его положение при умалишенном отце Христианне VII, все еще остающемся королем Дании.

Малочисленный гарнизон Готенбурга не имеет ни сил, ни желания сопротивляться. И переговоры о сдаче города уже начались. А малодушный комендант крепости вывез из Готенбурга свою семью и имущество. Разве такой человек способен совершить подвиг и спасти вверенную ему крепость?

Но Готенбург, вторая столица Швеции, он основан королем-воином Густавом II Адольфом, отцом славной королевы Христины! Густав II Адольф сделал Швецию полновластной владычицей Балтики, превратил это море во внутреннее шведское озеро, отеснив от его берегов немцев, поляков и русских. Его не знавшие поражения войска прошли всю Европу в годы тридцатилетней войны за веру. Монархи Испании, Франции и Англии искали благосклонности короля Швеции. Готенбург, эту неприступную грозную твердыню, Густав II Адольф заложил для того, чтобы навсегда обезопасить западную границу Швеции и чтобы никогда нога датчанина не ступила на эту священную для каждого истинного шведа землю!

И он, Густав III, следующий по счету Густав за великим королем-воином, наследник и преемник его, овеянного легендами героического имени, не отдаст Готенбург датчанам, коварно нанеся им в спину свой предательский удар! Он выйдет против них один и лучше сложит в неравном бою под стенами Готенбурга свою голову, чем покроет позором славное имя Густавов.

Преданные далекарлийцы поняли чувства своего короля. Ему тут же нашли лошадей и он помчался на запад. Он скакал целыми днями за неярким солнцем – косые лучи его пробивались сквозь низкие осенние облака и указывали дорогу на запад, к Готенбургу! Он не останавливался даже ночью и скакал под дивным звездным небом, раскинувшимся над Швецией, и сердце его стучало в такт стуку копыт изнемогающих, но изо всех сил рвущихся туда, на запад, лошадей, которых он менял одну за другой.

Небольшой отряд, сопровождавший короля, не успевал за неутомимым всадником, летевшим вперед, навстречу славе и бессмертию в памяти настоящих сыновей своей суровой северной отчизны. А следом за ним неудержимым потоком двигалось ополчение далекарлийцев, наспех вооруженное топорами лесорубов, косами, вилами и самодельными пиками, и

несовершенное это оружие в руках воинов, верных своему королю, могло противостоять всем пушкам мира.

Когда Густав III прибыл в Готенбург, вопрос о сдаче города уже был решен. Оставалось только оговорить условия постоя вражеских солдат в домах горожан и подписать само соглашение. Король один, без свиты, в дорожном платье, явился на площадь перед ратушей и обратился к готенбургцам с пламенной речью.

Он напомнил им, что великий Густав II Адольф, основатель города, возложил на них обязанность защищать эту неприступную крепость до последней капли крови. Густав III заверил своих подданных, что, если они проявят слабость духа, их король один выйдет навстречу ненавистным датчанам, а трусы, оставившие своего короля, покроют себя вечным позором в памяти последующих поколений.

Король говорил так же убежденно и проникновенно, как перед далекарлийцами с кургана Густава Вазы. И его мужественный порыв откликнулся в душах горожан. Они тут же бросились по домам: мужчины доставали из кладовок старые мечи и ржавые доспехи, а женщины, не чуждые героических чувств, вооружались большими кухонными ножами.

Парламентеров датчан, обсуждавших условия сдачи города, под свист и улюлюканье выпроводили за крепостные ворота. Оба принца – фельдмаршал Карл Гессенский и кронпринц Фридрих в капральском мундире не поверили их словам о короле Густаве III – ведь он сейчас за тысячи верст, в болотах Финляндии, на границе с Россией, в плену у собственной взбунтовавшейся армии, каким образом он может появиться в Готенбурге, уже согласившемся капитулировать?

Но вскоре они воочию увидели шведского короля на стенах крепости в окружении шумной толпы горожан, размахивающих оружием. Невероятно, но это был сам Густав III, неким чудом перенесенный сюда из-под Фридрихсгама, где, по слухам, он потерпел полный провал.

Конечно, гарнизон Готенбурга не может противостоять двенадцатитысячной датской армии. Но стоит ли идти на штурм, рисковать и нести потери в схватке с толпами обезумевших горожан... Нет, лучше подождать осадную артиллерию, ее вот-вот должны доставить... Окруженный вражеской армией Готенбург не имел ни смелости, ни сил сопротивляться, но теперь, когда король вдохнул в души народа волю к победе, он будет сражаться не на жизнь, а на смерть...

10. Доверьте мне, ваше высочество, свою корону – и я верну Вам ее в блеске и сиянии победной славы

Эллиот действовал на свой страх и риск.

Э. Леннрут.

Спустя несколько дней городская стража привела к Густаву III странного человека, потребовавшего впустить его в город. Незнакомец уверял, что он прибыл, чтобы сообщить королю важные известия, от которых зависит судьба и Готенбурга, и всей Швеции. Его обыскали и, не найдя оружия, на всякий случай все-таки связали. Увидев перстень на пальце этого человека, ни по одежде, ни по чертам лица не похожего на датчанина, король приказал развязать его и оставить их вдвоем.

– Кто вы? – спросил Густав III таинственного пленника, чувствуя в глубине души какое-то волнение.

– Меня зовут Хью Эллиот. Я английский посланник в Копенгагене...

– Очень рад видеть вас... – сдерживая радость сказал Густав III, – но я не могу принять посредничество Англии, не обсудив этот вопрос с союзной мне Францией...

– Я приехал к вам не как представитель Англии. Хотя уверен, что вскоре и Англия поддержит вас... Есть люди, которые не позволят России погубить Швецию, а Дании способствовать этому... Доверьте мне, Ваше Высочество, свою корону, и я верну вам ее в блеске и сиянии победной славы. А что касается Франции... Она уже не в силах помочь даже себе... Чтобы соблюсти формальные приличия, напишите французскому посланнику, что в безвыходной ситуации вам придется действовать соответственно обстоятельствам. Он догадается в чем дело... – сказал англичанин.

Оба – и король, и пленник, ставший желанным гостем – посмотрели на перстень на пальце Хью Эллиота. Потом их взгляды встретились и они без слов поняли друг друга.

А еще через некоторое время в Готенбург прибыл новый прусский посланник граф фон Борк и сообщил, что король Пруссии, получив письма своего кузена, шведского короля, от всей души готов помочь ему в трудную минуту, при условии уступки Швецией прусской Померании. На пальце фон Борка красовался точно такой же перстень, как и у Хью Эллиота.

Граф фон Борк уехал к месту своего назначения – в Стокгольм. А Хью Эллиот, вместо того чтобы вернуться в Копенгаген, где ему полагалось находиться согласно его дипломатическому статусу, отправился в расположение датских войск и встретился с фельдмаршалом Карлом Гессенским. При их встрече инкогнито присутствовал всего лишь один молодой волонтер в форме капрала, даже не присевший к столу.

Эллиот посоветовал фельдмаршалу отвести свою армию от Готенбурга. Для выполнения союзнических обязательств перед Россией совсем не обязательно штурмовать неприступную шведскую крепость, тогда как сами русские до сих пор не сумели взять Очаков... Тем более уже известно, что прусский король приказал придвинуть свои войска к границам Дании. А английский флот может вскоре оказаться на рейде перед Копенгагеном...

– Но мистер Питт заявил в парламенте, что Англия не собирается помогать Швеции и ей следует обратиться к своей союзнице Франции, – не удержался молодой волонтер.

Хью Эллиот ответил, не глядя в сторону капрала:

– Мистер Питт сказал это даже не во время парламентских дебатов, а в перерыве между ними... Высказывать свое личное мнение имеет право любой член парламента. Никаких официальных заявлений на этот счет правительство не делало. Англия не станет вмешиваться во взаимоотношения Швеции и ее союзницы Франции. Но это нисколько не мешает ей помочь свобододолюбивой Швеции защитить себя от посягательства российской тирании... Позвольте

мне уверить вас, фельдмаршал, что, если Дания займет неправильную позицию в непростой ситуации, жители Копенгагена увидят в своей гавани английскую эскадру, – Хью Эллиот выразительно посмотрел сначала на свой перстень, а потом на точно такой же перстень на пальце принца Карла Гессенского.

– Я всего лишь выполняю приказ своего монарха, пославшего меня сюда с моей армией, – ответил фельдмаршал, прекрасно понимая, что уже ни воля недееспособного короля Дании, ни желание кронпринца, стремящегося к престолу, не имеют почти никакого значения в складывающихся обстоятельствах.

– Полагаю, нужно все взвесить и обдумать... А для этого необходимо время... Я предлагаю заключить перемирие, скажем, на месяц... За это время многое прояснится, – предложил англичанин.

– Да, это было бы разумно, – вдруг сказал молодой капрал, подсаживаясь к столу, за которым сидели Хью Эллиот и Карл Гессенский, – это даст возможность принять правильное решение.

11. Когда королю есть, что сказать

*Энергичные действия короля во время датского нападения сделали настроение народа благоприятным для Густава III.
Э. Леннрут.*

Командующий датской армией фельдмаршал Карл Гессенский и шведский король Густав III подписали перемирие, составленное Хью Эллиотом. Военные действия приостанавливались на месяц.

Через две недели к Готенбургу подошли отряды далекарлийского ополчения. Они встали лагерем недалеко от города. По ночным кострам можно было сосчитать, что их не меньше пяти тысяч. В городе у Густава III наберется около двух тысяч плохо вооруженных горожан и несколько сот солдат гарнизона крепости.

Этого мало, чтобы сражаться против регулярной двенадцатитысячной армии. Но вполне хватит для долговременной защиты крепости. При условии, что у осаждающих нет артиллерии. А ее должны вот-вот доставить...

Кронпринцу Фридриху, пока что носившему скромный мундир капрала, очень хотелось вернуться в Копенгаген с победой. Воспользовавшись случаем и присоединив Готенбург и часть шведских земель к Дании, он напомнил бы датчанам о их былой, но уже почти угасшей воинской славе, упрочил бы тем самым свой авторитет в глазах придворных и народа.

Права кронпринца на престол были бесспорны. И тем не менее на нем лежала тень позорной смерти его матери, английской принцессы Каролины Матильды, которая воспользовалась безволием мужа – короля Христиана VII и возвела своего любовника Струензе, проходимца низкого происхождения, в первые министры, а потом сделала его фактическим правителем государства.

После переворота, устроенного мачехой отца Христиана VII, немкой Юлианой Марией, вдовствующей королевой, подлого Струензе казнили, а мать Фридриха заточили в замок Кронборг, развели с мужем и спустя три года она умерла. Опекуншей наследника престола стала Юлиана Мария, мечтавшая посадить на королевский трон своего родного сына, дядю Фридриха.

Уже почти совсем утративший разум отец Фридриха, пасынок Юлианы Марии мог поддерживать кого угодно. Но в год своего совершеннолетия Фридрих, опираясь на верных ему людей, настоящих патриотов Дании, отстранил от власти всеильную Юлиану Марию и ее партию, и был официально провозглашен кронпринцем при своем недееспособном отце.

Сторонникам Юлианы Марии пришлось отступить, но они собирались с силами и, не теряя надежд, распускали слухи о незаконнорожденности Фридриха, хотя он родился за четыре года до того, как его мать уличили в измене, и, противореча самим себе, утверждали, будто бы кронпринц унаследовал душевную болезнь своего отца, несчастного Христиана VII, и не сумеет править государством.

Очень, очень нужна победа молодому кронпринцу, тем более, казалось, что она достанется совсем легко. Ведь для этого даже не требовалось объявлять Швеции войну. Дания просто исполняла свой долг согласно союзному договору с Россией.

И если бы Фридрих показал народу, что он может восстановить давно утраченное господство датчан над некогда подчиненными им шведами, то уже никто не усомнился бы в его способности стать во главе государства и возродить величие и могущество Дании времен славной королевы Маргариты и Кальмарской унии.

Поэтому, несмотря ни на неожиданное появление в Готенбурге шведского короля, ни на подход далекарлийского ополчения и невзирая на наглые угрозы английского посланника

Эллиота, датская армия осталась под стенами осажденной крепости, дожидаясь доставки артиллерии, с помощью которой можно изменить ситуацию в свою пользу ничуть не менее убедительно, чем пространными беседами, угрозами и любыми иными доводами.

За неделю до окончания срока перемирия английский посланник Хью Эллиот сообщил Густаву III, что, по его сведениям, датские транспорты без сопровождения военных кораблей со дня на день доставят армии Карла Гессенского артиллерию и припасы. Так как в гавани Готенбурга есть несколько быстроходных фрегатов, нужно напасть на датчан и захватить их транспорты.

– Но я подписал с фельдмаршалом Карлом перемирие и не могу нарушить условия соглашения. Слово короля перед лицом всех монархов Европы...

– Ваше высочество, – перебил англичанин, – прочтите внимательно подготовленный мною и подписанный вами текст условий перемирия. В нем говорится о прекращении военных действий сухопутных войск... Следовательно, война на море продолжается, о чем и свидетельствует передвижение военных транспортов. И у вас есть все права на ответные действия, что никак не нарушает взятых вами на себя обязательств о прекращении огня на суше.

Густав III перечитал текст. Совершенно верно – «прекращение военных действий сухопутных войск с обеих сторон...» Черным по белому, ясно и недвусмысленно, без возможности каких-либо разночтений... И как это изящно! Точно и остроумно! Это войдет в описания военных историков!

Вскоре шведы перехватили сорок датско-норвежских транспортов. Армия фельдмаршала Карла Гессенского осталась без артиллерии и без припасов. Возмущенный кронпринц Фридрих и командующий войсками обвинили шведского короля в нарушении перемирия. Но Густав III сослался на формулировки подписанных соглашений, им строго соблюдаемых...

Теперь датчанам не имело никакого смысла оставаться под Готенбургом – без артиллерии, палаток и провизии. Легкая победа и заманчивая добыча уплыла из их рук. А проливать кровь и сражаться не щадя живота своего, чтобы русской императрице было легче устраивать ее дела, никто не собирался.

Датчанам пришлось отвести войска на свою территорию. Английский посланник Хью Эллиот уехал в Копенгаген. А король Швеции Густав III в окружении передового отряда верных далекарлийцев направился в Стокгольм. Он спас родину от нашествия датчан – ненависть к ним в сердцах шведских патриотов не угасла, несмотря на века, прошедшие со времени изгнания этих поработителей Швеции.

Он защитил и отстоял славный Готенбург, его подвиг, несомненно, войдет в историю. Он поднял на борьбу преданных своему королю далекарлийцев и они стали его надежной опорой. Он доказал всем недругам, что его не легко сломить. Теперь Англия и Пруссия помогут ему одолеть Россию.

Русские так и не смогли взять Очаков. А это значит, их силы по-прежнему скованы на юге. Дома ему противостоит дворянская оппозиция, но после всего, что он совершил, ему не страшны интриги вельмож, возомнивших себя хозяевами страны – короля поддержит верный ему народ.

Прямо с дороги Густав III отправил в столицу два указа. Первый – тайный – об аресте офицеров, поднявших мятеж в аньяльском военном лагере, предателей нужно судить, а не обсуждать с ними статьи конституции, касающиеся права короля начинать войну, ибо долг короля и его первейшая обязанность – защищать свою державу от ее врагов.

Второй указ объявлял о созыве риксдага. Теперь королю есть, что сказать собранию сословий.

II. Тяжелый год

1. Тяжелый год – тяжкие мысли

Как мысли черные к тебе придут...
А. С. Пушкин.

1788 год. Тяжелый год, потому что високосный. Поэтому и не удалось взять Очаков. Уже начались морозы, снег выпал раньше обычного, войска нужно отводить на зимние квартиры. Но часть войск останется под стенами крепости, осада не будет снята. И в следующем году Светлейший несомненно совершит начатое – возьмет Очаков и откроет путь к Стамбулу-Константинополю.

Тем более что в результате правильного артиллерийского обстрела укрепления крепости во многих местах уже разрушены, а частые пожары уничтожили почти все продовольственные склады. К тому же, казаки захватили Березань – скалистый остров в лимане, расположенный на подходе к Очакову. Березань служила приютом остаткам турецкого флота, ее батареи не подпускали наши галеры под стены крепости...

Взятие сего неприступного оплота, прикрывавшего осажденных, весьма важно... По сути дела, Березань – часть Очакова... Не устоит в следующем году и Очаков... Тем более что и год уже будет не високосный...

А с падением Очакова все переменится...

Последнее время императрица чувствовала себя все хуже и хуже. Бессонница. Колики в груди и в боку. Боли в ногах. А тут еще с наступлением холодов схватило спину и поясницу. Марья Саввишна греет горячим песком. Говорит, что все от погоды. Ох, нет... Все от Очакова...

У Марьи Саввишны большое горе – умер брат ее. Только недавно отпустили его в отставку с сохранением полного сенаторского жалованья. Тихий, неприметный человек. Для Марьи Саввишны – единственная родная душа. Теперь у нее на всем свете осталась только она – ее хозяйка... Поплакали вместе с ней... Даже об Очакове забылось...

Очаков Светлейший возьмет, это дело поправимое... Все сие можно пережить... Пока живешь, все и переживается... Кроме смерти. Что бы брату Марьи Саввишны жить да жить в отставке, с таким-то жалованьем, и Марье Саввишне теплее бы на этом свете... Ан нет... Какой тяжелый год... Високосный... Потому-то и с Очаковым, как ни старался Светлейший, не сладилось...

И вот из московской почты: умер граф Петр Борисович Шереметев. Она справилась у Храповицкого – сколько же ему лет? Семьдесят пять... А выглядел он намного моложе... Год назад...

Да, год назад она заезжала к нему в Кусково по дороге из Крыма... Хотела удивить иностранных посланников, путешествовавших вместе с ней... И, конечно, удивила...

Обед на шестьдесят кувертов, посуда и подносы из чистого золота, необычные яства и напитки не менее дорогие, чем тарелки, отделанные бриллиантами, всю ночь – не прекращающийся фейерверк стоимостью, быть может, сотни тысяч и театральное представление...

Французский посланник граф де Сегюр был совершенно поражен, узнав, что и танцовщицы и певицы, ничем не уступающие актерам парижским, и автор пьесы, и балетмейстер, и архитектор, построивший здание театра – крепостные люди гостеприимного хозяина...

Граф Петр Борисович Шереметев – сын знаменитого полководца Петра I, первого русского фельдмаршала, получившего сей высокий чин за победу над шведами. Это он отвоевал

у них балтийское побережье, Ингрию, ее шведы считали своим древним владением, хотя на самом деле это исконно русские и ижорские земли, подвластные когда-то Великому Новгороду. Их-то и тщится вернуть нелепый поборник славы короля Карла XII, жалкий фигляр, Густав III.

Царь Петр I не благоволил своему первому фельдмаршалу – тот не терпел Меншикова и отказался участвовать в суде над опальным царевичем Алексеем. Но за подвиги на полях сражений и за Полтавскую победу награбил воина не покусившись – не было в России никого, кто честно и достойно приобрел бы больше, чем Шереметев в награду за свою верную и умелую службу.

Все эти богатства и достались его сыну, он сподобился родить его на старости лет, года за два-три до ухода из этого мира. Сын прославился не менее отца. Но не храбростью в битвах и не воинскими доблестями, а невероятным богатством и безграничной щедростью.

Жил, не впадая в пороки и излишества, но купаясь в золоте и серебре, осыпая золотом всех, кто оказывался рядом, поражая празднеством безмерного расточительства, так и не истратив и трети своих сокровищ. И вот пришел и его черед...

Ушел, как и брат Марья Саввишны, тихий и робкий, более всего в жизни довольный тем, что, благодаря ходатайству сестры, получил отставку с сохранением за ним полного годового жалованья, тогда как других сенаторов отправляли на покой с половинным... За всю жизнь он потратил никак не больше того, сколько Шереметев за год, да что там за год, на тот прием императрицы Петр Борисович израсходовал вдвое больше... А вот теперь сравнялись...

Семьдесят пять лет... Самой ей в следующем году – шестьдесят... Марья Саввишна и та на десять лет моложе... А выглядит много старше... У нее одна о годах забота – умереть в один день с хозяйкою... Преданнее Марьи Саввишны у нее человека нет... Всем от нее что-то нужно... Бескорыстна только Марья Саввишна...

Ну, может быть, еще ее Сашенька Ланской... Красный Кафтан – он другой... Он умен... Ему и угодить-то не просто... Но орденом Александра Невского остался доволен... И правду сказать – заслужил... И советами, и, главное, твердостью и здравомыслием...

2. Тяжелый год – тяжкие мысли (Продолжение)

*Тяжелые мысли черным облаком окутали душу ее.
Анонимный роман XVIII века.*

То, что Мамонов получил орден Александра Невского, сильно задело великого князя...

Сам он рвался на войну – сначала на юг – только его Светлейшему и не хватало... Потом, когда шведские войска грозили столице, удерживать Павла стало совсем некрасиво. Она отпустила его, но, когда сын сообщил, что брат Густава III, герцог Карл Зюдерманландский трижды присылал парламентариев, предлагая начать переговоры, все же отозвала из действующей армии. Подальше от соблазна... Неизвестно, чем такие переговоры могли бы закончиться... Хотя не трудно догадаться, чем...

Великий князь надеялся получить за свой военный вояж в Финляндию Георгиевский крест. Ну как же, он слышал свист пуль и даже писал жене, что видел, как были убиты две казачьи лошади... За такие наблюдения Георгиевские кресты не даются...

Обижен... Он слышал свист пуль... «И я теперь крещен», – это тоже из его письма супруге. Как анекдот рассказывают, что когда свистели пули, то подпрыгивал, в надежде, что и его зацепит... Ежели родился нелепым, так уж нелеп во всем... И что же, за это глупое подпрыгивание награждать Георгием? За этот орден настоящие герои проливают кровь свою...

Шведский король и его доброжелатель король прусский могут рассчитывать на Павла, а он на них... Он – по свойственной ему наивности и все той же бестолковой нелепости. А они – по своей подлости и совсем не безобидной ухватке и расчетливости и по умению пользоваться недалекостью ее неудачного сына...

Нет, ни в коем случае нельзя оставлять ему престол, она и так знала это, а теперь видит воочию, эти два негодяя оберут и облапошат его, как жулики незадачливого простолюдина на шумной ярмарке... А он будет стоять среди смеющейся над ним толпы и разводить руками, оставшись с пустыми карманами. Она, конечно же, не увидит всего этого из-за загробной черты, но разве сейчас непонятно...

И все-таки какой негодяй Густав III со всеми его амбициями! Как она недооценила этого позера, способного на любую низость! И тем не менее этот Фальстаф сел в лужу. Правда, пришлось обратиться к Соколовичу... Теперь она в долгу у этого опасного человека. И даже страшного своей непонятностью.

Его бредни о масонах, правящих миром, могли бы показаться смешными, как и другие чудачества всех этих заигравшихся в своих маскарадных ложах взрослых детей... Если бы не жестокая сила этого человека, не бросающего на ветер пустых слов и, кстати сказать, так хорошо осведомленного...

И этот сумасшедший беседует с ней с глаза на глаз... И она сама просит Марью Саввишну привести его, тогда как у него при себе, может, спрятан такой же кинжал, как тот, которым убили адмирала Грейга... А раньше Бакунина... И ему, Соколовичу, прекрасно известно об отречении цесаревны Анны и, возможно, оно даже у него, но он скрывает это... Чтобы воспользоваться этой страшной бумагой в нужный момент...

Но без Соколовича не обойтись... И благодаря ему шведский король и сел в лужу. Эти предатели – полковник Спренгпортен и барон Гастфер, взбунтовавшие шведскую армию... Какие подлецы! Нет ничего более мерзкого, чем предатели... Их бы казнить за измену своему королю...

Но и король под стать своим подданным... Лжет на каждом шагу... И что же делать? Пришлось воспользоваться услугой этих негодяев...

Хвастливый Густав III показал свою полную воинскую бездарность, однако ж ускользнул из-под Фридрихсгама и, легок на ногу, успел помешать датчанам втянуться в дело. Болтать языком он горазд, это не сражаться на поле боя... Конечно, Данию застращали Пруссия и Англия и теперь пользы от участия датчан в войне не жди, будут только делать вид, что готовы воевать...

Пруссия и Англия... В них вся причина... И на юге – они науськали султана начать войну раньше времени, и Светлейший не успел подготовиться как следует... И Густава III вытащили из лужи... Неужели они решатся открыто выступить на стороне Швеции, как против Нидерландов? Ведь Швеция союзник их врага – Франции...

Густав III переметнется, он готов лакать с любой кормящей руки... Нидерландам Франция так и не осмелилась помочь... И слепо продолжает поддерживать Швецию и Турцию... Имея союз с Австрией... И противодействуя союзнице Австрии – России.

Что ничем, кроме как слабоумием короля Людовика XVI и его министров, объяснить невозможно... Простой здравый смысл указывает на необходимость объединения держав, против которых нацелен союз Пруссии и Англии.

И французский посланник Сегюр понимает это... Нужно только, чтобы в Париже прислушались к его доводам. Четверной союз – Россия и Австрия, Франция и Испания – вот противовес Пруссии и Англии, возмнившим, что они могут, никого не спросив, хозяйничать в Европе, как на собственном подворье. Франция сейчас очень слаба, король безволен, казна пуста... Но Франция – это Франция... Франция – великая держава, она не может впасть в ничтожество, она опомнится... Нельзя сидеть сложа руки... Нужно действовать... Сегодняшний вечер она пообещала провести с французским посланником графом де Сегюром. Он придет вместе с принцем Нассау-Зигеном – это совершенно необыкновенный человек, он уже не однажды доказывал свои способности и на него можно положиться, хотя он нетерпелив и даже вспыльчив.

Нассау-Зиген сжег турецкий флот под Очаковом. Он устроил туркам вторую Чесму, и это очень сильно повлияло на весь ход дел. Правда, принц не ужился со Светлейшим. На Потемкина наговаривают, что он позавидовал его успехам.

Это, конечно же, клевета. Светлейший завистью никогда не отличался. Наоборот, вокруг него всегда целая стая завистников. Тут другое...

Светлейший все делает обстоятельно, и в том залог его успеха. Очаков он возьмет, в этом нет никаких сомнений, но по всем правилам, кои предписываются воинской наукой... Потемкин не будет рисковать, не станет губить своих солдат под стенами крепости, закрывающей путь к Константинополю, потому как знает, что войскам его предстоит еще нелегкий путь за Дунай и на Балканы...

Принц Нассау-Зиген – человек иного склада. Он герой одного дня, скорый на подвиг, на рискованное дело, а не на кропотливый труд. Отсюда и его противоречие со Светлейшим... Но принца пока можно направить по дипломатической части... При всех дворах у него друзья и связи, он вхож во все кабинеты, к его словам прислушиваются самые влиятельные люди...

Очаков Светлейший возьмет, если не следующей весной, то летом. Но необходимо сделать так, чтобы Пруссия и Англия не помешали Потемкину. Нужен четверной союз, это будет новая расстановка сил в Европе и Россия выйдет на Балканы, и в Средиземное море. А Балтийское и Черное станут внутренними морями Российской империи – это диктует сама география – стоит только внимательно и беспристрастно рассмотреть карту...

3. А что же Франция?

На каждом шагу было заметно противодействие недоброжелателей России.

А. Г. Брикнер.

Нестерпимая летняя жара 1788 года обернулась ранней, необычайно холодной зимой. Нева замерзла в начале ноября. Военные действия и на юге и на севере приостановились. Очков так и не удалось взять. Война в Финляндии не дала на поле боя никаких заметных результатов ни той, ни другой стороне. Угрозы шведского короля захватить Петербург оказались пустым бахвальством.

Однако наказать его за хвастовство и коварную подлость тоже не получилось. Густав III не просто сбежал из-под Фридрихсгама, но сумел остановить датчан, вторгшихся в Швецию с запада. А потом, под дипломатическим нажимом Англии и Пруссии, Дания фактически вышла из войны, хотя пока и не отказалась от своих союзнических обязательств. Не отказалась, да что теперь с того толку. Дания – слабый союзник. Самой ей угрожает английский флот с севера и прусская армия с юга.

Пруссия в любой момент может нанести удар в спину – и Дании, и России. Если она двинет войска через русскую Прибалтику на Петербург, а на юге в тыл армии Потемкина... А эскадры Англии войдут в Балтийское море...

Именно так они поступили с Нидерландами. Пруссия ввела сухопутные войска, англичане обложили с моря. Франция не решилась встать на защиту своей союзницы – власть штатгальтера в Нидерландах восстановлена и теперь Нидерланды заодно с Англией и Пруссией.

То же самое они хотят сделать и с Россией, только руками шведов на севере и с помощью турок на юге. Но Россия – это не Нидерланды. Проглотить ее не так легко. А вот обгрызть со всех сторон – отнять Крым, влезть на Кавказ, прихватить, что удастся в Прибалтике – это да...

Единственная союзница России – Австрия. Данию в расчет брать не приходится, такой союзник не в помощь, а в тягость. Только и у Австрии в этом году дела шли не самым лучшим образом.

Турки издавна привычно били австрийцев. Казалось, император Иосиф II хорошо подготовился к войне и сам возглавил войска. Но неудачи одна за другой преследовали императора.

Собрав огромную четвертьмиллионную армию, располагая мощнейшей артиллерией почти в тысячу орудий, он растянул силы вдоль границ, что позволяло туркам, сосредотачивая свои части, численно превосходить австрийцев, когда дело доходило до мелких столкновений. В результате вынужденных передвижений австрийских войск семидесятитысячная армия верховного визиря Юсуф Паши получила возможность напасть на сорокатысячную армию австрийцев и нанести ей сокрушительное поражение. Сам Иосиф II едва не попал в плен.

Дело могло окончиться полным разгромом Австрии. Но как раз в это время турки наконец сдали Хотин, осажденный австрийцами под командованием принца Кобургского. Комендант крепости Осман Паша, находясь в безвыходном положении без продовольствия и без боеприпасов, заявил, что согласится капитулировать только перед русскими и никогда не сдастся австрийцам, которых турки всегда побеждали.

Русскими войсками, посланными на помощь австрийцам, командовал граф Салтыков. Он, по приказанию фельдмаршала Румянцева, завершил переговоры с турками и они оставили Хотин. Освободившаяся армия принца Кобургского направилась в тыл турецких войск Юсуф Паши. Визирь не смог продолжить преследования разбитых частей императора Иосифа II. Было заключено перемирие и обе армии отправились на зимние квартиры.

Несмотря на неудачную военную кампанию Иосифа II, турки тоже не добились своей главной цели – разбить австрийцев, заставить их выйти из войны, а потом, собрав воедино все силы, обрушиться на Россию.

Император Иосиф II не пойдет на заключение сепаратного мира, имея в тылу Пруссию, поддерживаемую Англией. предав русских, он останется наедине со своим заклятым врагом – Пруссией, которая боится только России. Австрии выгоднее выполнять свой союзнический долг. Австрии и России разумнее вместе противостоять Пруссии и Англии.

И, конечно же, сразу возникает вопрос о позиции Франции.

Пруссия только что унизила Францию, растоптав ее авторитет своими войсками, введенными в Нидерланды. Англия – естественный враг Франции. Она отняла у нее большую часть заморских владений и вытеснила из Индии. Правда, и французы не остались в долгу – они помогли английским колониям в Америке освободиться из-под власти английского короля.

Франция – союзница Австрии, эти два государства связаны династическим браком: французская королева – родная сестра австрийского императора Иосифа II.

Но Франция – давний недоброжелатель России. Да что там недоброжелатель. Можно сказать, открытый враг. Однако на чем основана эта вражда, в чем противоречия двух государств, не имеющих общей границы и не деливших заморских территорий? Что привело к вражде две великие державы?

Ответ только один. Глупость министров, коим французские короли, неспособные к управлению своим государством, доверили вести международные дела.

4. Русско-французские отношения

Русско-французские отношения 1774 – 1792 годов – составной элемент тогдашней системы международных отношений.

П. П. Черкасов.

Не христианнейший король Людовик XV и не его внук и преемник Людовик XVI испортили отношения между Францией и Россией.

Это сделали три министра иностранный дел: Этьен-Франсуа Шуазель, герцог д'Амбуаз, граф Стэнвиль, его заклятый враг Эмманиэль-Арманд Вивьеро Диплесси Ришелье Эгильон, граф д'Аженуа и их наследник Шарль Гравье граф Вержен.

Первый из них, Шуазель, выглядывая из-под юбок мадам Помпадур, расстроил все старые европейские союзы и создал новые, потеряв все, что только можно потерять в надежде найти то, чего найти невозможно. После смерти Помпадур, зажив своим умом и возомнив себя великим вершителем судеб мира, он женил наследника престола на австрийской принцессе, чтобы упрочить созданную им химерическую политическую систему. И, видя благо Франции прежде всего в том, чтобы навредить удаленной от нее на тысячи верст России, Шуазель натравил на нее Турцию, влез в русско-польские дела и поддержал Швецию в ее намерениях угрожать своей соседке.

Эгильон начал карьеру в спальне мадам Шатору, одной из первых фавориток короля. Людовик XV даже удалил его от двора как своего соперника. Шатору была той самой любовницей короля, по подсказке которой он заключил союз с Пруссией, разорванный позже Шуазелем.

Эгильон, став губернатором Бретани, сначала проворовался, а потом «покрыл себя мукой вместо славы», спрятавшись на мельнице во время нападения англичан, вместо того чтобы встретить врага с оружием в руках. В его распрю с парламентом Бретани вмешался всемогущий тогда Шуазель, что и породило смертельную ненависть двух протеже совершенно разных фавориток.

Мадам Шатору отравили, в спальне короля воцарилась мадам Помпадур, Шуазель заправлял внешней политикой Франции. Но когда на сцену явилась третья фаворитка – мадам дю Барри, Шуазель счел возможным пренебречь ею.

Эгильон не упустил этого промаха, стал верным помощником дю Барри, свалил врага и сел в его кресло министра иностранных дел. Он присвоил себе успехи внешней политики Шуазеля, продолжая поддерживать Швецию и Польшу в их борьбе с Россией.

С окончанием эпохи мадам дю Барри Эгильону пришлось уйти в отставку, после чего он, как и Шуазель, написал пространные мемуары и, подобно своему недругу, очень убедительно доказал, что все его провалы на самом деле являлись блистательными успехами, обеспечившими величие Франции.

На смену Шуазелю и Эгильону явился Вержен, известный тем, что при нем Францию втянули в войну за свободу Америки, опустошили ее государственную казну на много лет вперед и изгнали Тюрго – единственного, кто был способен спасти Францию от экономического развала. Что же касается отношений с Россией, так именно Вержен, будучи до своего возвышения посланником в Константинополе, а потом в Стокгольме, своими руками подготовил русско-турецкую и русско-шведскую войны.

Вот эти три политика, совершенно лишенные ума и дальновидности, зато без меры наделенные глупостью и страстью к бесплодным интригам, на протяжении полувека определяли отношение Франции к России.

Екатерина II, несмотря на свой интерес ко всему французскому, не питала симпатий к этой державе, а уж к ее нынешним королям и подавно.

Помнится, когда Россия оказалась на краю пропасти и молодой императрице пришлось тогда взять на себя весь груз ответственности за спасение государства от губительных действий ее невразумительного супруга, она обратилась к французскому посланнику барону Бретейлю с просьбой одолжить денег, так необходимых в решительную минуту.

Француз учтиво и даже со скрытой насмешкой отказал. А сам Людовик XV не пожелал признавать за ней право на императорский титул – она знала, это были козни того же Шуазеля. Франция отказывала в этом даже самому императору Петру I. Людовик XV согласился титуловать императрицей безответно влюбленную в него Елизавету Петровну. Да, тетушка Эльза была способна начудить по этой части.

Отвергнутая французским королем, она всю жизнь питала к нему воображаемую любовь, вздыхая перед портретом Людовика XV: его все признавали первым красавцем Европы, хотя, если внимательно присмотреться – ничего особенного в нем – даже на портрете – нет. А в действительности, наверное, и подавно.

И, когда Екатерина волею своего народа взошла на престол, впрочем, нет, еще сразу после смерти императрицы Елизаветы, когда встал вопрос о титуловании ее племянника, вдруг выяснилось, что императорский титул Франция признавала не за монархом Российской империи, а только лично за Елизаветой Петровной. Но, когда на престоле оказалась Екатерина II, вопрос возник вновь.

Французский посланник барон Бретейль, тот самый, который накануне всех событий отказал ей в денежном кредите, неожиданно потребовал письменного подтверждения неизменности церемониала при взаимоотношениях официальных лиц, установленного еще во времена французского короля Людовика XIV. Согласно порядкам того времени, подписи короля Франции и его послов на всех документах ставились на первом месте.

Екатерина II не собиралась изменять ранее сложившиеся формальности, но письменное их подтверждение означало согласие с неполноценностью ее императорского титула.

Французский посланник, единственный из иностранных дипломатов, не явился в Москву на коронацию императрицы Екатерины II. Видимо, он полагал, что она не надолго заняла русский престол, или же считал, что Екатерина II не имеет права занимать этот престол в качестве императрицы и должна довольствоваться положением матери-регентши при своем малолетнем сыне Павле, которого и следовало объявить императором.

Барон Бретейль, по распоряжению министра иностранных дел Франции Шуазеля, получил назначение в Стокгольм. В Петербург прибыл новый посол, маркиз Боссе. В его вверительных грамотах вместо необходимого обращения «императорское Величество» стояло «Ваше Величество».

Это бдительно обнаружили при предварительном просмотре. Французский посланник попытался объяснить такое несоответствие требуемым дипломатическим нормам обычной канцелярской ошибкой, неточностью, опiskой, что, собственно, нельзя считать допустимым при составлении такого рода бумаг. Тем не менее императрица снисходительно приняла вверительные грамоты маркиза.

И велела русскому посланнику в Париже князю Голицыну уладить эту оплошность. Но в министерстве иностранных дел Франции заявили, что дело не в ошибке, а в том, что, согласно нормам французского языка, прилагательное «императорский» не употребляется при существительном «Величество».

Князь Голицын, в отличие от Людовика XV и его министров писавший по-французски без ошибок и владевший этим языком в совершенстве, ответил королевским чиновникам, что российская сторона не примет никаких официальных посланий, если в них не будет прописан полный императорский титул Екатерины II.

Министр иностранных дел Шуазель высокомерно отклонил требование русского посланника и заметил ему, что «Франция занимала важное место в Европе еще тогда, когда Россия

была никому не известна». Из этого, по мнению Шуазеля, следовало, что русские должны беспрекословно принимать все дипломатические процедуры и их порядок, которые продиктует Франция.

Дело дошло до отзыва посланников. Князь Голицын, не дожидаясь подписанного Шуазелем паспорта, выехал из Парижа, не обращая внимания на гнев всесильного министра и предвещая, что, не поладив с новой фавориткой короля, он вскоре лишится своего места.

Маркизу Боссе тоже пришлось уехать из России. Но он попал в совершенно безвыходное положение. Бедняга не мог нарушить указание Шуазеля и вручить свои отзывные грамоты с полным императорским титулом Екатерины II. А отзывные грамоты без полного титула не принимала русская сторона.

Маркиз Боссе так расстроился, что умер в Петербурге от нервного напряжения. Не найдя другого выхода из ситуации, в которой он оказался, дипломат покинул Россию в гробу – для такого путешествия не понадобились ни отзывные грамоты, ни паспорт – все границы и таможи разом открылись для него – езжай, ни у кого не спрашивая разрешения, не беспокоясь о соблюдении этикета, и не страдая ни от плохих дорог, ни от черствого безразличия станционных смотрителей, ни от неуютных придорожных постоялых дворов, вечно проклинаемых всеми прочими путешественниками чувствительными к разным неудобствам.

5. Святая святых

*Немногие имели доступ в эти покои.
Анонимный роман XIX века.*

Отношения между Францией и Россией оставались на грани разрыва до тех пор, пока фаворитка короля мадам дю Барри не обзавелась собственным министром иностранных дел – Эгильоном. Избавившись от Шуазеля, Эгильон в отношении России продолжал старую политику. Но в вопросе об императорском титуле он предложил, как ему казалось, оригинальный компромисс.

Франция соглашалась признать полный императорский титул Екатерины II при условии, что во всех документах он будет писаться не на французском, а на латинском языке.

Это, по мнению блеснувшего сообразительностью Эгильона, позволяло французской стороне сохранить лицо, не нарушая правил грамматики. Русская императрица не сочла нужным возражать. Если французские дипломаты не умеют пользоваться своим родным языком, пусть пишут ее титул на латинском, а то и на древнегреческом.

Но более всего проявила Франция свое отношение к ней, русской императрице, во время пугачевского бунта. Имелись очень серьезные подозрения о связи «маркиза» Пугачева с французами. И если бы самозванный Лжепетр III добился успеха, то он, судя по всему, не имел бы затруднений с признанием его полноправным императором со стороны Франции.

Изгоняя и преследуя умнейших людей своей державы – Вольтера, Дидро и им подобных – и окружая себя глупейшими министрами, ворами и проходимцами, короли довели Францию до полного упадка... Что погрязший в позорном разврате Людовик XV, что ханжески ленивый и безвольный пьяница Людовик XVI...

По словам Соколовича, Франция должна погибнуть... Ну да это бред – великие державы не исчезают в одночасье. Франция с двадцатипятимиллионным населением, с армией в двести тысяч человек и с флотом более семидесяти линейных кораблей, Франция – крупнейшее, богатейшее и сильнейшее государство Европы, не может быть расчленена, как какая-нибудь ничтожная Польша, или прозябающая в нищете Швеция, или разлагающаяся Турция...

Так или иначе, неспособному королю придется опереться на людей умных и деятельных, таких, как молодой граф де Сегюр, посол в России. А внешние обстоятельства, происки Пруссии и Англии заставят Францию отказаться от безумных, глупых прожектеров во внешней политике и изменить отношение к России.

Впрочем, Сегюр так и считает... И сегодня именно об этом и пойдет разговор. Императрица пригласила французского посланника вместе с его близким приятелем, принцем Нассау-Зигеном, провести с ней приятный неофициальный вечер.

Обычно такие вечера она устраивала в Эрмитаже. По воскресеньям в Эрмитаже бывали большие собрания, на них приглашался весь дипломатический корпус и особы двух первых классов. Императрица выходила в зал, беседовала с гостями, стараясь каждому уделить внимание. Эти ее выходы считались неофициальными. Вечер заканчивался спектаклем, без ужина.

По четвергам собирался «малый эрмитаж». На него допускались люди из самого близкого круга. Всего несколько послов из тех, с кем императрица общалась запросто и разговаривала не о делах, а на любые другие темы. Несколько близких сановников и несколько дам, пользовавшихся доверием и благосклонностью императрицы и составляли приятную «мало-эрмитажную» кампанию.

После спектакля обязательно ужинали или играли в карты, по-домашнему засиживались допоздна – сама Екатерина II незаметно покидала гостей, она привыкла рано ложиться спать.

Входить в число приглашенных на вечера «малого эрмитажа» считалось большой честью, по своему самым высшим отличием и для придворных, и для любого из послов.

Но сегодня она позвала Сегюра и Нассау-Зигена прямо к себе, в маленький кабинет рядом со своей спальней. Эти ее собственные комнаты помещались на втором этаже Зимнего дворца, где находилась стеклянная галерея, соединяющая их с покоем Потемкина.

Здесь императрица слушала по утрам доклады статс-секретарей и работала с бумагами. Рядом с этим кабинетом находилась «бриллиантовая комната», в ней хранились большая и малая короны, скипетр и драгоценности для парадных выходов.

Никому даже в голову не приходило попасть на прием к императрице в этот кабинет. Беседа в нем означала высшую степень доверия, невозможную ни с кем из официальных лиц.

И французский посланник граф де Сегюр прекрасно понимал, что, получив приглашение провести вечер в личном кабинете императрицы, он не просто добился успеха в своей дипломатической деятельности, а перешел в некую другую сферу отношений с сильными мира сего. До этого он исполнял предписанные ему обязанности. Теперь же его допускали туда, где не исполняют обязанности, а по своему разумению определяют ход событий, направляют их – исторические события – по новым путям.

6. Французский посланник

С первой же встречи молодой, элегантный и остроумный Сегюр произвел самое благоприятное впечатление на Екатерину II.
П. П. Черкасов.

Французский посланник граф Луи Филипп де Сегюр был молод. Ему едва исполнилось тридцать пять лет. Он принадлежал к новому поколению, сменявшему старую знать. Но Сегюр благоразумно не разрывал со своими предшественниками – ни при дворе, ни в дипломатической среде.

Луи Филипп Сегюр происходил из старинного дворянского рода, с рыцарских времен владевшим обширными поместьями в провинции Гиень. Дед Сегюра прославился подвигами на полях сражений. Отец уже был маршалом, пользовавшимся уважением короля Людовика XVI, который назначил его своим военным министром.

Луи Филипп вращался в кругу «золотой молодежи», блистал изящными манерами и вольнолюбивыми речами и даже хотел вместе со своим другом, маркизом Лафайетом, тайно бежать в Америку, чтобы сражаться за свободу восставших против тирании колонистов.

Однако юноша благоразумно внял советам отца и повременил с путешествием за океан. Он отправился в Америку, когда Франция уже официально вступила в войну на стороне своего американского союзника. И вполне успел отличиться. Луи Филипп участвовал в нескольких сражениях, получил орден Цинцината, учрежденный американским Конгрессом за заслуги в борьбе за свободу, а вернувшись на родину, был произведен в драгунские полковники.

Молодой граф, в отличие от многих своих друзей веселой и беспечной юности, получил серьезное образование, свободно владел несколькими европейскими языками и обладал довольно значительными литературными талантами. И кроме всего этого он был скрыто честолюбив. Знаток Вольтера и Руссо, трудолюбивый историк, он прекрасно разбирался в современной политике и мог рассчитывать – и рассчитывал – на самую блистательную карьеру и самые высокие должности и звания.

Горячие философские салонные споры, восторженные речи о свободе, презрение к тирании, заинтересованные взгляды красавиц, простодушные американцы, свист пуль и дым сражений, бесшабашные офицерские попойки, дружеские объятия, показное безразличие к чинам и деньгам – все это увлекательные опыты молодости.

На смену молодости приходит зрелость. И требует серьезных дел. А серьезные дела делаются совсем по-другому... И совсем другими людьми... И прежде всего нужно получить доступ в круг этих людей. А это не так просто.

И когда освободилось место посланника в далекой и, казалось бы, никому не нужной, утопающей в снегах России, то сразу нашлось множество желающих занять его. Посланники при крупных дворах имеют возможность влиять на европейскую политику, они входят в тот самый заветный круг, они напрямую причастны к определению судеб мира, они уже деятели исторические...

Назначение в Петербург рассчитывал получить молодой и жаждущий славы и успеха Нарбонн-Лара. Он с детских лет воспитывался при дворе, его считали побочным сыном короля Людовика XV от одной из фавориток – мадам Роман. Но самое главное – Нарбонн-Лара связан романтическими отношениями с дочерью опального финансового гения Неккера, юной Жермен.

Она мечтает любить и быть любимой, но мать хочет выдать ее замуж за богатого, но немолодого шведского посланника, барона Сталь-Гольштейна. Этот брак вот уже второй год притча во языцах. И Нарбонн-Лара то ли любовник Жермен, то ли ее близкий друг, перед

которым она исповедально раскрывает все интимные движения своей души, стремящейся к возвышенным чувствам.

Влияние на светское мнение и связи дочери Неккера так сильны и обширны, что она, конечно же, добьется для Нарбонна-Лара желанного места. И, возможно, сама уедет следом за ним в далекую, варварскую Россию, чтобы во мраке северной тирании зажечь факел свободы и неистощимой любви, ибо свобода и любовь превыше всего на свете.

Но прославленный воин и преданный слуга короля маркиз Анри де Сегюр не уступил молодым выскочкам и добился места посланника в Петербурге для своего сына. Людовик XVI не смог отказать ему. А министр иностранных дел Вержен, хотя и не благоволил выходцам из старинной знати, поддержал назначение Сегюра.

Начинающий дипломат подал министру записку с изложением своего представления о развитии европейской политики. Его мнение опиралось на мысли самого Вержена, высказываемые им в докладах королю. Франция должна направлять все свои усилия на ограничение влияния Англии и Пруссии, поддерживая Австрию и Россию, однако не давая им усилиться за счет поглощения Турции, и оказывать содействие Швеции и Польше, что позволит удерживать равновесие сил в Европе.

Записка Сегюра свидетельствовала о его трезвых и правильных взглядах и окончательно убедила министра иностранных дел, что именно Сегюр должен представлять интересы Франции в России. И даже мнение самых известных дам из салона госпожи Неккер не смогло повлиять на его решение.

Несколько месяцев до отъезда в Россию Сегюр не вылезал из библиотеки и прочел все, что написано о России. Вечера он проводил в обществе барона Бретейля, польщенного вниманием молодого графа – барону, много повидавшему на своем веку, было что рассказать об императрице Екатерине II и о том, как она пришла к власти.

А кроме того, будущий посланник в России свел знакомство с корреспондентом русской императрицы Мельхиором Гриммом и произвел на него самое благоприятное впечатление. Что тот и высказал в письмах к своей высокой приятельнице, с ней он уже много лет вел переписку, извлекая немалый прямой и косвенный доход как из своих, так и из ее посланий.

Сегюр явился в Петербург в тот самый момент, когда императрице Екатерине II было не до политики. Неожиданно умер ее молодой флигель-адъютант Александр Ланской. При жизни юноша не вмешивался ни в политику, ни в государственные дела. Однако его уход в мир иной так поразил стареющую императрицу, до того не замечавшую своих лет, что она несколько месяцев не могла прийти в себя от этого удара. Что грозило самыми непредсказуемыми последствиями и для политики, и для государственных дел.

Положение спас Потемкин. Оставив на время хлопоты на юге державы, он приехал в столицу и вскоре при дворе увидели нового флигель-адъютанта. Правда, он удержался недолго, зато явился следующий, более удачный стройный юноша с приятными манерами и даже лицом слегка напоминавший Ланского – Александр Дмитриев-Мамонов, императрица называла его Красным Кафтаном. Екатерина II постепенно вернулась к жизни, и дела – государственные и политические – вошли в привычную колею.

Взаимоотношения России и Франции в то время обстояли хуже некуда. Франция была деятельной союзницей врагов России, готовых, подобно туркам, поднять против нее оружие, или, как шведы, с вожделием мечтавшие об этом, или, как поляки, бессильно и пылко негодовавшие, что они не могут этого сделать. Россия же самоуправно отняла у Турции Крым и Грузию, грозно надвигалась на слабеющую империю оттоманов и без особого труда, как бы дружески, но крепко, держала за глотку и Швецию и Польшу.

Министр иностранных дел Вержен, давая инструкции своему посланнику, поставил задачу попытаться удержать отношения между двумя державами хотя бы в том неопределен-

ном состоянии, в котором они находились, не допуская обострения и катастрофы и не рассчитывая на улучшения, невозможные при нынешней обстановке.

Но молодой и честолюбивый дипломат определил для себя более значимую цель. Успех позволил бы ему одолеть еще одну, наивысшую ступеньку в карьере. Его дед прославился на полях сражений, отец руководил военными силами Франции. А он впишет свое имя в историю дипломатии, изменив баланс сил в Европе – впрочем, не нарушая равновесия, а укрепляя его...

Вскоре Екатерина II обратила внимание на молодого посланника. Он очень выгодно выделялся как на фоне своих французских предшественников, так и среди коллег-соперников. Элегантный, учтивый, очень остроумный – достойный представитель страны, подарившей миру Вольтера, но управляемой глупыми и недалекими королями и их несносными министрами, высокомерными и бездарными, что совсем не относится к симпатичному графу де Сегюру.

Отстаивая требования Франции – он обязан это делать, соблюдая свою должность и честность перед королем, от имени которого и приехал в Россию – граф Сегюр вместо закостенелого упрямства приводит логические доводы, и к ним стоит прислушаться, тем более что делает он это вполне изящно. Граф как бы сожалеет об ошибках, допущенных много десятилетий тому назад. Однако если резко исправить их, это может привести к нежелательным для обеих сторон последствиям.

Ведь если Франция перестанет поддерживать Турцию и Швецию, ее место тут же займет Англия, как это уже случилось в прошлом, например, когда Англия заключила союз с Пруссией и обе эти державы пренебрегли интересами и России, и Франции, что, в свою очередь, не лучшим образом сказалось на равновесии сил в Европе... Да, к такому мнению стоит прислушаться...

И что важнее всего, граф облекает свое мнение не в злобные выпады и неприятные колкости. Он не враг, коварный и готовый использовать любую твою оплошность, наседающий на тебя, а ловкий и элегантный, да, элегантный соперник, умеющий не только сделать красивый ход, но и оценить ответ противника.

Безусловно, он соперник, но и партнер по игре. Он, конечно же, стремится выиграть, но выиграть достойно и благородно, и в случае победы противника первый поздравит его – разумеется, если тот победил заслуженно...

7. Французский посланник (Продолжение)

Дальнейшее знакомство окончательно укрепило симпатию Екатерины II к новому французскому посланнику, ставшему постоянным гостем во дворце и допущенному в узкий круг лиц, которых императрица считала своими друзьями.

П. П. Черкасов.

Граф де Сегюр представитель той, вольтеровской Франции, остроумной и блестящей. И не случайно он сам сочиняет стихи и пишет пьесы. Красный Кафтан, молодой флигель-адъютант императрицы, высокого мнения о литературном таланте графа. А у Красного Кафтана очень даже неплохой вкус.

Императрица, сама не чуждая плодотворным мукам сочинительства, прочла пьесу Сегюра «Кориолан» и невольно увлеклась идеей сделать сюрприз автору. «Кориолана» поставили на сцене Эрмитажа. К восторгу Красного Кафтана, публика прекрасно приняла спектакль... От природы искренний и совершенно лишенный зависти, Красный Кафтан радуется чужому таланту, что свойственно не всякому автору – он ведь тоже пишет и очень неплохо, хотя и страдает от собственной лени... Он мог бы иметь серьезный успех как драматург – стиль и язык его безупречны... И, кстати, Сегюр того же мнения...

Французский посланник, несмотря на все неприятности в отношениях между двумя державами, к зависти собратьев-дипломатов, вошел в ближний круг императрицы. И даже сопровождал ее во время путешествия в Крым.

Главное достоинство молодого графа – истинно французская образованность и элегантность. И чувство такта. И изящество. Умение в любой ситуации во всем остаться тактичным и предупредительным... Императрица не раз убеждалась в наличии у него этих качеств, весьма приятных.

Помнится, в Киеве, наблюдая живописно разбросанный на холмах этот некогда великий, а сейчас захолустный город, она спросила сопровождавших ее во время прогулки трех дипломатов:

– Как нравится вам древний Киев, колыбель русской державы?

– Государыня, это самый дивный, самый величественный город, какой я когда-либо видел, – с выражением восторга соврал австрийский посланник граф Кобенцель, маститый европейский дипломат, побывавший во многих столицах Европы.

Англичанин Фиц-Герберт холодно заметил:

– Зброшенное место с какими-то развалинами, невзрачными современными строениями и избушками в зелени садов.

А французский посланник? Граф Луи Филипп де Сегюр на мгновение задумался и сказал:

– Киев представляется мне как воспоминание великого прошлого, содержащее надежду на великое будущее.

Ну разве не приятно иметь дело с таким тонким и умным собеседником?

Понятно, одними беседами перемен во взаимоотношениях не добьешься... И тем не менее, не покушаясь на многое, Сегюр предложил заключить договор о торговле между Россией и Францией. Ведь развитие торговли выгодно обеим державам. Тем более теперь, когда Россия строит порты на Черном море.

Это понравилось даже Потемкину, недоброжелателю Франции. Черноморская торговля поспособствует процветанию юга России, о котором светлейший князь заботится как о своем детище.

Торговый договор, несмотря на противодействие английского посланника, был подписан. А ведь этого французская дипломатия безуспешно добивалась последние двадцать лет. Все – и солидные вельможи, и дамы в светских салонах только и говорили об этом успехе графа де Сегюра. Дело в том, что он не просто сумел переиграть своего противника, английского посланника Фиц-Герберта, он сделал это по-французски изящно и остроумно.

Сегюр ухитрился подписать договор пером самого Фиц-Герберта, изо всех сил старавшегося не допустить сближения России с Францией. Договор удалось заключить во время путешествия русской императрицы в Крым. Екатерина II долго не решалась на последний шаг, не желая портить отношения с Англией, но, вняв доводам Потемкина, вдруг согласилась.

Это случилось так неожиданно, что у Сегюра не оказалось при себе письменного прибора. Не растерявшись, он зашел в комнату к Фиц-Герберту – тот в это время увлеченно играл в трик-трак с прусским посланником – и с невинным видом попросил его одолжить перо. Мол, его лакей куда-то запропастился, письменные принадлежности у него под ключом, а Сегюру как раз пришла в голову весьма забавная мысль и он хотел бы, не откладывая, записать ее.

Продолжая бросать кости и не отрываясь от доски с шашками, Фиц-Герберт подал французскому перо и тот пером английского посланника подписал договор, фактически лишивший Англию преимуществ в торговле с Россией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.